

ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА

СИБИРИАДА

За Камнем

Сибиряда

Галина Пономарёва

За Камнем

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

Пономарёва Г. И.

За Камнем / Г. И. Пономарёва — «ВЕЧЕ», 2025 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-5293-2

Исторические романы «За Камнем» и «Степной ковыль» рассказывают об освоении новых земель первыми русскими поселенцами на Алтае, о кровопролитных столкновениях с племенами кочевников, о первых уральских заводчиках, подвигах русского воинства. Это яркие рассказы о людях сурового сибирского края, выдающихся русских политиках, военачальниках и промышленниках, прославивших Россию.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5293-2

© Пономарёва Г. И., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

За камнем	6
Глава первая. Большой камень	6
Глава вторая. Страна Беловодье	26
Глава третья. В Белоярской крепости	47
Глава четвёртая. Катерина	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Галина Пономарева

За Камнем

© Пономарева Г. И., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

За камнем

Глава первая. Большой камень

Шумит уральская тайга. Вот-вот упадёт снег, закружит вьюга, завоюют метели, пурга занесёт все тропы. Таёжный зверь приготовился к зиме. Стылая, ещё не прикрытая снегом земля усиливала холодные ветра, спускающиеся со старых гор. Огромные скалы сжимали с обеих сторон узкую тележную дорогу. Северные ветра разбудили вековые ели. Хвойные великаны покачивали своими зелёными вершинами, словно удивлялись тому, что там, внизу, жалкие людишки бессмысленно ползут по каменистой ленточной дороге. Угрюмый Большой Камень неприветливо встретил пришельцев. Сбросивший листву лес, хмурое небо, пронизывающий до самого нутра северик безжалостно сулили людям новые испытания. Чужаки тоскливо жалась друг к другу, словно искали поддержки и защиты.

Немногочисленный обоз из пяти подвод с людским скарбом, детьми, жёнками и десятком мужиков двигался по бесконечному уральскому пути в неведомую Сибирь. Обозные лошади, отошавшие и выбившиеся из сил от долгого пути, плелись медленно, волоча поклажу и людей. Серая петляющая лента дороги уходила всё выше и выше, уводя обозников в горы. Что заставило этих людей пуститься в опасный путь?

Причиной тому была православная вера. Раскольники, вероотступники, не принявшие никонианство, шли в неведомые края в поисках сказочной и счастливой страны Беловодья. С берегов Белого моря, освоив северные русские земли, они вновь уходили от царской власти, от преследований и гонений. Немало раскольников осело на Каменном поясе, заложив новые поселения.

– Тятя, пора передохнуть! Детишки и бабы устали. Хворым тоже отдых нужен! – повернувшись лицом к угрюмому ездоку, обратился не по годам крепкий юнец, правивший лошадьми первой навьюченной подводы.

Матвей Афанасьевич, так звался тот, к кому обратился возница, задремавший от усталости нелёгкой, затянувшейся на несколько месяцев дороги, очнулся, соскочил с подводы, внешне придав лицу и телу бодрости и бравяды.

– Да, сынок, правда твоя! Отдых нужен всем! Скоро станем! В горах ночь приходит быстро. Потерпеть надобно малость. Давай мне вожжи, а сам приляг тута.

– Нет, тятя, я ещё могу лошадьми править. Мамку жаль, тяжело ей, хворь не отпускает! Отвару бы отпить дать!

– Ничего, Тишаня, чуток ещё осталось проехать. Гляди пристальней на дорогу. Смеркается. Скоро ужо встанем.

– Тятя, глянь-ка! Человек на дороге!

Прищурился, Матвей стал напряжённо всматриваться в указанную сыном сторону.

– Верно, человек! Сынок, давай мне лошадей, а сам быстрехонько к обозникам сбегай. Скажи мужикам, чтобы ружья приготовили. Неровён час, опять придётся от лихоимцев отбиваться!

– Тятя, ты глянь на него! Одежда истрёпана, да не по сезону одет! Беглый это, каторжник! Упал однако!

– Ладно, сиди тута! Пойду погляжу, что за человек. Стойте и ждите моего сигнала!

Матвей Афанасьевич, являвшийся старостой беспоповской старообрядческой общины, крепкий, черноволосый, до сорока лет, не отпуская ружья, пошёл к упавшему. Тот лежал без движения. Подойдя к незнакомцу, нагнувшись над ним, Матвей встретился с его пристальным взглядом.

– Кто таков? Куда путь держишь?

Лежавший молчал. Глаза его глубоко ввалились, лицо было чёрным, длинные, давно нечёсанные волосы спутались с бородой. Впалые щёки подчёркивали широкие скулы. Было ясно, что незнакомец давно голодает.

– Пить! Пить! Холодно! – еле прошептал он.

– Куда путь держишь, мил человек? – В голосе Матвея слышались нотки сострадания к несчастному.

Произнеся жалостливые слова, незнакомец и вовсе лишился сознания. Он закрыл глаза, дыхание его стало прерывистым и неровным. Верно, силы совсем покинули его.

– Сюда! Езжайте сюда! – закричал Матвей и замахал рукой, подавая сигнал движения обозникам.

Подъехавшие остановились. Мужики слезли с подвод и подошли к лежащему незнакомцу.

– Что думаешь, Матвей Афанасьевич? – обратился высокий рыжий мужичок.

– Что тут думать! Спасать человека надобно, потом и спросать! Разбивайте стан, ночевать здесь будем, возле дороги. Бабы пушай о съестном позаботятся. Веток больше еловых наломайте да дров для кострища нарубите. Давайте, по-скорому!

Обозники засуетились. Вечерние сумерки сгущались. С гор потянуло пронизывающим холодом.

– Тихон, давай-ка, мы страдальца на нашу подводу положим! Отвар неси! А то и впрямь он богу душу отдаст!

Осенив себя двуперстными крестами, отец и сын, подняв незнакомца, который не подавал признаков жизни, бережно понесли к подводе.

Матвей Афанасьевич уложил незнакомца, укрыв лохматым тулупом, подоткнув под бока мягкую овчину. Тихон, отсыпав из небольшого мешочка припасённой травы, поспешил к разведённому общинниками огню.

– Тятя, что со страдальцем? – спросил подошедший к подводе юноша.

– Да кто ж его знает, Антипушка! Молчит покамест! Тиша пошёл отвар варить для матери и для него. Как мать-то?

– Тяжко ей, тятя! Бредит, горит вся! Девчонки тож кашлем заходятся! Не продержатся они, свалятся, как и матушка.

– Ничего, ничего! Дай отвару и девчонкам! Следи за ними, теплей кутай. Вот напоим несчастного, приду к вам.

– Вот, тятя, отвар готов! – протягивая Матвею склянку с ароматным травяным питьём, торопливо промолвил подошедший Тихон.

– Тебе, Антип, отвар для матери и дочек. Напой их хорошенько, чтоб пропотели! – отливая часть отвара в посудину и подавая старшему сыну, обратился к нему Матвей Афанасьевич.

– Хорошо, тятя, пошёл я!

Антип взял чашу с отваром и поспешил к своей подводе. Матвей, плеснув в склянку приготовленное питьё, нагнулся к незнакомцу. Тот, видимо, согревшись, открыл глаза.

– Пей, пей, сердешный! Отвар живительный! Силу даёт и недуг излечивает.

Мужчина приподнял голову незнакомца и приложил склянку к его устам. Он стал пить жадными глотками.

– Не спеши так-то! Горяч настой больно! Вот попьёшь, потом и откушаешь с нами съестного. Много-то тебе, сердешному, нельзя! С голодухи живот свело!

Незнакомец напрягся. Он беззвучно шевелил запёкшимися губами, пытаясь что-то сказать, но у него ничего не выходило.

– Молчи, молчи! Вот силушка появится, всё скажешь! А покуда лежи спокойно.

Напоив страдальца, поправив на нём тулуп, Матвей Афанасьевич поспешил ко второй подводе, стоявшей неподалёку. На ней лежали женщины и дети, занедужившие в пути. Не раз приходилось останавливать обоз, снимать с неё умерших общинников. Могильными крестами был отмечен весь путь. И вот теперь на ней лежали больная жена и две дочери Матвея Афанасьевича. Ездовым там был старший сын общинного старосты Антип. Возле подводы суетились несколько женщин, кормивших своих заболевших близких.

– Что, Антипушко! Напоил больных? Как тут они? – обратился Матвей к сыну.

– Девчонкам вроде полегчало! А матушка бредит! Толку мало!

– Как вы, дочурки? – ласково заговорил Матвей Афанасьевич с девочками-подростками, лежавшими на устланной ветками и овчинными шкурами подводе. Девочки осунулись, но силились улыбнуться подошедшему к ним отцу.

– Ничего! Ничего! Лежите! Станет легче!

Погладив их по опавшим щёчкам, поцеловав дочек, мужчина вернулся к своей подводе. Раздался голос поварих, которые звали вечерять к разложенным кострам.

– Поди, Тиша, поешь и нам со страдальцем похлёбки прихвати. Посудину возьми.

Как только сын ушёл, Матвей Афанасьевич заговорил с незнакомцем.

– Что скажешь, мил человек? Говорить можешь?

– Да! Мал-мал могу!

– Вот и хорошо! Кто ж ты и куда путь держишь?

– Казак я, с Дону! А убёг от Демидова! Слыхал о таком?

– Нет, не слыхивал! Кто ж таков? Почто бежал от него?

– Заводчик это уральский, руду добывает, железо и медь плавить! Он царь в здешних местах!

– Что ж ты бежал от сей царской милости?

– Как и вся царёва милость, раздаётся она кандалами да заточением в земле! Так-то!

– Как попал в здешние края, коли сам с Дону?

– Устал я! Нет сил говорить! Полежу малость, потом сказывать буду.

– Лежи, лежи! Откушаешь похлёбки, силушка поприбавится! Потом и скажешь свою сказку. Вот и Тимоша кушанье принёс.

Матвей Афанасьевич, черпая похлёбку большой деревянной ложкой, стал кормить незнакомца. Тот с жадностью заглатывал пищу.

– На первый раз хватит! А то и худо может стать от излишней еды! Полежи, отдохни! Ночь большая, разговор долго можно вести.

Закрыв глаза, незнакомец впал в забытие.

– Тятя, не помрёт ли он? – заволновался Тихон.

– Таперяча нет! Устал больно! Сон сморил! Вон могучий да здоровущий какой! Справится! Корми только! Встанет! Ложись отдыхать, Тимоша! Силушку береги! Женщины наши хворают! Храни их, Господи! Давай молитву сотворим! Холодает! Зимой тянет! Пристанище искать надо для зимовки! Может, сей человек подскажет что? Спи, сынок! Завтрева видно будет, куда путь держать.

– А ты, тятя?

– Я проверю ночные посты и тоже прилягу! Спи! Спи, Тимоша!

Матвей встал и пошёл к горящим кострам. Вокруг них сидели мужички.

– Доброго вам здоровьица, общинники! – обратился к сидящим староста.

– Спаси бог, Матвей Афанасьевич! – дружно ответили они.

– Распределились по дежурству?

– Конечно! Впервой, что ли, ночлег в лесной чаще!

– Ну и ладно!

– Матвей, а куда завтрева поедем? Надо бы пристанище до весны сыскать!

– Утром и решим, куда путь держать! Пойду я, сосну часок!

Поговорив со сторожевыми, Матвей Афанасьевич вернулся к подводе. Возле лошадей стоял незнакомец.

– Эх ты скоро поправился! – удивился он.

– Не хвораю я! Оголодал токмо!

– Не спешишь ли? Ноги-то ватные поди?

– Есть малость! Вот поразмять их решил! Вишь, стою! Знаю, ответов моих ждёшь! Присядем только! Слабоваты ноги ишо!

– Что ж, давай присядем!

Они сели на подводу. Матвей накинул на себя тёплый тулуп, приготовился слушать рассказ незнакомца.

– Как ужо сказывал, я родом с Дону, с донских казаков, значить, зовусь Тимофеем Акинфиевичем. Поди про Степана Разина знашь! Так, стало быть, казаки на Дону и по сей день справедливости ищут.

– Это как же? – не сдержавшись, спросил казака Матвей.

– Известно как! Богатеев, что кровушку сосут, попржить! За энто, значить, нас и хватають да в кандалы! Я успел бежать. Хотел до Сибири дойти! Да где там! Дорога неведома! Где тамо она, эта Сибирь? Полгода скрывался в лесах, кормился кое-как! Зима пришла! Делать нечего! К людям надо выходить и среди них ховаться. Прослышал я, что заводчики Демидовы таких, как я, царёвым не выдают, кров и работу у них получить можно. Ну, думаю, может, в здешних местах и останусь. Подзаработаю у Демидовых на шахтах, потом как-нибудь жене Ефросинье с сынишкой знать дам, да и заживём на Большом Камне, на Урале, стало быть. Люди мне указали, где эти самые демидовские заводы да шахты стоять. Пришёл я туды, а уж зима катила вовсю. У меня одежонка плохонькая, исхудал, ослабел. Рассказал я всё управляющему без утайки, приняли меня и отправили на рудник руду добывать железную. Ох и тяжкий это труд! Условия, прямо скажем, невыносимые для человека! Скотину дома так не содержат! Холод стоять, а людишки по колено в воде работают. От руды дух тяжёлый исходить! Воздуху не хватает! Ладно, думаю, стерплю! Не век же мне тут работать! А мне работные тамошние гутарют, что здесь мало кто задерживается, подыхают через три-четыре месяца! Каторга, одним словом! Людишки всё народ беглый, каторжан много. После рудника на ночь в барак приходишь, похлёбкой жидкой покормют, от которой пузо болит, и всё! Проработал я месячишко! Жду, когда же мне деньжата заплатят! Нет ничего! Работные надо мною смеются! Ишь, говорят, чего, денег он ждёт! Пошёл я к управляющему. А он мне и сказывает, что, мол, деньги мои накапливаются и при расчёте всё сполна и получу. Понял, что попался я! Единственное спасение – бежать! И сбёг я через пару месячишек по ранней весне! Прямо из бараку тёгу дал! Не знаю, искали меня али нет! Токмо людей сторонюся! Вот опять зима скоро ляжет, чую, что не выжить мне, так вот и сгину в тайге! Услышал колёсный стук на дороге, решил, что выйду к людям, всё едино помру! Вы меня и подобрали! Не знаю, что вы за люди, но вижу, что без злого умысла! Ежели можно, то и ты, будь добр, обскажи, кто такие и куда путь держите.

Матвей Афанасьевич внимательно слушал рассказчика и не перебивал.

– Справедливость ищешь! Небезопасное это дело! В Сибирь, стало быть, желаешь идти?

– Да! Только ничегошеньки я не знаю об ней! Где-то на краю света находится она, Сибирь эта!

– Охотников не встречал? Порасспросить бы мог о пути-дороге?

– Русского человека сторонился. От работных слышал, что в горах обитает местный коренной народец, вогулами зовётся, охотным промыслом живёт. Нелюдимы люди эти, редко выходят в русские поселения. Вот и искал их, да не нашёл. А вы откуда и куда идёте?

– Мы в Сибирь идём! Про отца Аввакума слышал?

– Это кто супротив веры пошёл? Сожгли его в срубе! Тот, что ли?

– Он самый! Только не против веры, а за истинную православную нашу веру стоял он!
– Так вы староверы?
– Мы православные! Держимся старой веры!
– А почто в Сибирь идёте?
– Ты справедливости ищешь! Мы тоже за ней же идём! Есть сторона такая заповедная в Сибири-матушке, Беловодьем зовётся!
– Не слыхивал! Что за сторона такая?
– Обскажу как-нибудь опосля. Как считаешь, к Демидовым нам податься на зимовье али нет?

– Акинфий Никитич привечает вашего брата! Примут и не выдадут царским сыскарям! Но уйти от них будет сложно! Принимают-то они принимают! Руки работные им ой как при богатстве таком нужны! Но уйти будет нелегко. Сказывал тебе уже о том! Видел, что тех, кто пытался в бега от них податься, даже в кандалах приковывают к камню прямо в рудниках и шахтах! Жаживо хоронят! Так что сам решай! Может, к вогулам податься? Перезимуете и дальше пойдёте. Меня с собой возьмёте.

– Ты ж не знаешь к ним путь-дорогу?
– Сказывали мне, токмо сил не хватило дойти!
– Сможешь дорогу показать?
– Сторону покажу.

– Завтра утром расскажешь общинникам про Демидовых, про вогулов. Тамо и решим всем миром. А сейчас давай спать! Силы беречь надобно.

По утру общинники собрались возле костра, который поддерживался всю ночь.

– Сестры и братья, человек, которого мы вчера приютили, казак с Дону, имя ему Тимофей сын Акинфиев, бежал он от мирской несправедливости, путь держит в Сибирь. Слаб он ещё. Потому я обскажу его историю, и решать будем, куда путь держать. Далека Сибирь! Пристанище на зимовку искать надобно. Есть две возможности: к заводчикам Демидовым податься и к местным племенам вогульских охотников пристать. Здесь, на Камне, заводчик Демидов имеет множество заводов, шахт, рудников. Он в этих местах царь, да и сам являет собой любимца царя Петра. Казак сказывал, что привечает Демидов людей нашей веры. Однако уйти с этих заводов нельзя! Не пушают! Цепями могут приковать и кандалы надеть. Вогульские же племена дикие, русских людей чураются. Тимофей молвит, что к ним идти надобно, и сторону может показать. Что скажете, общинники?

– Царёва милость нам ведома! – загудели обозники.

– Уж лучше к инородцам податься! Всё ж люди!

– Вогулами народ этот зовётся, охотой и промыслами живёт! Жилища их где-то здесь, рядом! Мне так сказывали работные с Демидовского прииска – заговорил подошедший к собравшимся казак.

– Путь показать можешь?

– Идти надо на север. Живут они семьями. Обитают по здешним горным речкам, – негромко продолжил говорить Тимофей Акинфиевич.

– Так речек здесь немало! Где ж нам вогулов сыскать?

– Большого не могу сказать! Но к Демидовым не советую! Сам еле ноги от них унёс! Вот, видите, в каком обличии я сейчас стою пред вами! Ежели вы всё-таки к заводчику пойдёте, то я сам вогулов искать буду, но к Демидову возврату нет!

– А ты что думаешь, Матвей Афанасьевич?

– Как не труден путь, но, православные, думаю, что прав Тимофей Акинфиевич! Царёва милость известна! Не от неё ли мы покинули родную сторону? Инородцы будут нам безопаснее!

– Что ж, Матвей, мы твоему слову верим! Не зря столь времени за тобой идём! Иноверцы так иноверцы!

– Тогда, общинники, правим подводы за моей, что первой по каменистой тропе пойдёт!

Обоз тронулся. Зима стояла совсем рядом. Ели, сосны, лиственницы, ещё в багровой листве осинники и земля покрылись за ночь седым инеем. Подстывшая в небольших канавках вода потрескивала под колёсами гружёных телег тонким ломающимся ледком. Травы, тронутые заморозком, полегли. На небе заходили тучи, которые сулились уже не дождём, а снегом. Укутавшись в овчинные одежды, люди, не отдохнувшие от нелёгкой дороги, вновь были готовы преодолевать новые препятствия и трудности. Путь в гористой, продуваемой северными ветрами местности был нелёгок. Порой приходилось толкать телеги, самим впрягаться и тянуть на себя гружёные подводы. Никто не роптал.

* * *

Акинфий Никитич Демидов, царский любимец, властитель Большого Камня, крупный уральский заводчик, старел. Думалось, что ему вовсе не будет износа, а нет. Старость, проклятая и безжалостная, подкралась, схватила своими дряхлыми руками и не отпускала.

– Тяжко мне! Тяжко! Что ж за немощ такая! Нет! Не возьмёшь! И не таких выдывали! – прислушиваясь к ноющему телу, разлому в пояснице, вставая с перины, ворчал Акинфий сын Демидов.

Несмотря на навалившиеся годы, Акинфий Никитич являл собой сухопарого телосложением человека, наделённого недюжинной силой и крепостью здоровья. Поседевшие, аккуратно подстриженные волосы не старили его лик. Нос с горбинкой и стальные, сверкающие глаза говорили о большой внутренней силе этого человека. В отличие от своего родителя, внешность Акинфия обрела барский вид: ухоженное лицо дополняли модные, завитые букли пышного парика, который заводчик надевал в нужные часы деловых встреч и визитов к императрице, с которой встречался довольно часто. Никто и не подумал бы, что внутри него поселилась болезнь, которая подтачивает сильное тело. Каждый день, не нарушая сложившегося десятилетиями уклада заводчика, когда ещё не занимается заря, Демидов начинал свой длинный день.

– Микешка, сюртук давай! – крикнул он в пустую опочивальню, зная, что его верный слуга, такой же старый, как и он, ждёт его за дверью и давно приготовил необходимую одежду.

– Здесь я, здесь, хозяин! Вот серый сюртук, тёплый по нынешней погоде, и телогреечка, сапожки, до блеску натёртые ваксой! Одевайтесь, Акинфий Никитич!

– Что, зябко на улице-то?

– Да, инеем земельку взяло! Ужо предзимье пришло! Потеплее одеться надобно! – подавая платье, отвечивший Микентий, служивший своему хозяину без малого тридцать лет, зная все его нравы и суровость характера.

– Ты что ж, во дворе бывал?

– А как же? Господин хороший! Одежда должна быть по погоде, а то, не ровен час, и лихоманку подхватить можно! Не приведи господи! И дай вам бог здравия!

– Давай одежду! Что, с Алтая была депеша? – обратился Демидов к слуге, который всегда знал все домашние дела и события, о которых докладывался хозяину с раннего утра.

– И депеша прибыла с посыльными с алтайского прииска, и слиток невиданный привезли, в кабинете, как велено, вас ожидают.

Акинфий Никитич, свершив утреннее умывание, облачившись в приготовленные Микентием одежды, не спеша направился в рабочий кабинет.

– А откушать изволите, Акинфий Никитич?

– Опосля! Сначала дело!

Знавал своё дело Акинфий до самых мелочей. Самым его ругательным словом было слово «туняедец», которым он клеймил бездельников и пьяниц, напрочь лишая их возможности работать на заводах и приисках.

Семнадцать заводов на Каменном поясе Урала плавил железо и медь. Недавно открытая домна стала крупнейшей в мире. Много слёз и страданий стоило народу состояние Демидовых. На заводах, бывало, и вспыхивали волнения, жестоко подавляемые с помощью штыков. Не брезговали уральские заводчики любыми рабочими руками, которых в силу крепости не хватало. Беглый люд не выдавался царёвым служивым, однако и милости от хозяев им не выпадало. Были среди них беглые крестьяне, бунтовщики, бежавшие от смертной казни, казаки с Дона, сеявшие смуту среди казачества со времён Степана Разина, окончательно не выкорчеванную царём-батюшкой. Весь этот беглый люд находился на положении невольников. Особо опасных не выпускали из шахт. Так и влачили они своё существование в земле и в камне, порой, будучи прикованными к холодной каменной стене. Короток век был сих страдальцев. Однако число их не уменьшалось. Дармовая рабочая сила всегда была нужна. Привечали Демидовы и старообрядцев, бежавших от властей. На церковные догмы им наплевать, а все староверы славились добросовестными работниками. Губить себя водкой им не позволяла крепкая вера. Поселения старообрядцев были разбросаны по всему Уралу. Некоторым из вероотступников удавалось выйти в мастеровые и даже в управляющие.

К уральским заводам прибавились ещё и алтайские.

– Надобно царице-матушке Елизавете Петровне подношение с новых сибирских заводов сделать. Вовремя слиток серебряный подоспел! Вот переполоху будет! Никто не видывал ещё такого богатства! А у Акинфия уж вот оно – чистейшее серебро в царёву казну! Кому тягаться со мною! С Акинфием Никитичем Демидовым! Пушай покуда полежит слиток до нужного времечка.

* * *

К полудню обоз вышел к небольшой горной речке. У самой воды, промеж валунов, возвышалось непонятное сооружение. Это даже нельзя было таковым назвать, так как трудно было поверить, что увиденное являло собой плод человеческого труда. Высокая застывшая каменная фигура возвышалась над ручьём. Словно огромный великан, подойдя к ручью напиться, вдруг застыл в камне по воле неведомой силы.

– Глянь-ка, Тимофей! Что думаешь? Не примет ли это присутствия вогулов, не знак ли нам на продолжение пути к иноверцам?

– Да! Да! Сказывали мне, что должны встречаться на пути такие каменные великаны! Вроде как это дозорные, которые охраняют жилища вогулов от пришлых. Правильно идём!

Догадка быстро разнеслась по подводам. Обозники приободрились, надеясь достигнуть желанного пристанища. Действительно, за ближайшей скалой, в небольшой долине стоял громадный дом. Это была деревянная прямоугольная, выложенная из брёвен хижина. Крыша дома тоже была выложена из брёвен и покрыта сверху берестой. Увидев человеческое обиталище, обоз остановился.

– Стойте, пока знак не подам. Пойду посмотрю на обитель, – спустившись с подводы, не снимая тулупа, сказал Матвей.

– Матвей Афанасьевич, возьми ружьишко! Кто ж знает, что за человек этот вогул?

– Нет, ружья не возьму! Пусть видят, что мы с миром пришли!

Матвей приблизился к жилищу. Возле дома был сооружён небольшой загон, в котором мирно стояли и жевали припасённый корм олени. Навстречу никто не вышел. Он подошёл к тяжёлым дверям, больше похожим на ворота во двор. Приложив немалые усилия, Матвею Афанасьевичу удалось открыть врата, и он вошёл внутрь дома.

Возле разведённого огня стояла женщина. Видимо, она занималась приготовлением пищи в большом чане, который был подвешен над огнём. На ней была одежда из оленьих шкур, ноги тоже обуты в оленьи чуни. Длинные заплетённые косы чёрных волос падали на спину. Она была довольно молода. Как только женщина увидела вошедшего в жилище чужака, она подбежала к подвешенной тут же возле стены дома люльке и схватила маленького ребёнка, прижав его к своей груди. Матвей Афанасьевич пытался жестом рук объяснить ей, что у него нет оружия, что он не желает причинить ничего худого обитателям этого жилища. Женщина с испугом смотрела на пришельца. Матвей сбросил на земляной пол тулуп, повернулся вокруг себя, подняв вверх руки, показывая, что никакой угрозы он собой для хозяйки не представляет. Жестом руки он попросил воды из стоявшего в углу чана. Женщина поняла его, она положила в люльку дитя, взяла черпак, подойдя к чану, зачерпнула воды и протянула незнакомцу. Матвей Афанасьевич поблагодарил, поклонившись хозяйке, взяв черпак, припал к воде. Женщина отошла от чужака к детской люльке. Мужчина сделал несколько шагов к огню. Подойдя к очагу совсем близко, он протянул руки, показывая, что замёрз и просит дать возможность обогреться. Женщина не двигалась. Она поняла намерение пришедшего мужчины. Взяв медвежью шкуру, хозяйка расстелила её перед очагом, показывая жестами, что на неё можно сесть. Матвей сел и опять благодарно кивнул хозяйке. Женщина стала успокаиваться. Она с любопытством рассматривала чужака.

– Спасибо тебе, дочка, за приют и тепло! – негромко заговорил Матвей Афанасьевич, рассматривая внутреннее убранство дома. По стенам висело много одежд из оленьих шкур.

– А где семья? Мужчины где? – спросил он, показывая на развешанные по стенам одежды.

Женщина что-то залопотала на своём наречии. Потом, видимо, смекнув, что её не понимают, жестом показала на висевшие здесь же лук и стрелы.

– О, значит, на охоту ушли?

Подняв руки и загибая пальцы, ткнув себя в грудь, Матвей пытался дать понять, что он не один. Женщина догадалась, о чём он просит, быстро замотала головой, давая понять, что нельзя приводить других чужаков. Мужчина встал, поклонился хозяйке, показывая, что он покидает жилище, и вышел из дому. Обозники стояли неподалёку.

– Мужчины на охоте, в доме одна женщина с маленьким ребёнком. Заходить не будем, чтобы не испугать её. Расположимся здесь ждать остальных. Надо приготовить съестное, чем можем поделиться с хозяевами дома, – обратился он к ожидавшим общинникам.

Ждать пришлось до самой ночи. Женщина часто выходила из дому и смотрела на расположившихся лагерь чужаков. Но вот раздался громкий лай собак. В долину из лесу вышли несколько человек с десятком собак. Это были охотники. У каждого поверх одежд висели связки добытых тушек разных некрупных животных. Собаки с лаем набросились на обозников.

– Чу! Чу! Чу! – раздалась команда шедшего впереди человека.

Собаки, повинаясь хозяину, отбежали от пришельцев. Пятеро мужчин разного возраста вышли к общинникам. Все они выглядели мелкогато, будто подростки. Матвей Афанасьевич обратился к пожилому туземцу, давая ему понять, что он старший.

– Просим приюта у вас! Зиму переждать надобно! – заговорил он, не рассчитывая, что его поймут.

– Однако много вас! Не уместимся в моём доме! Нам нельзя пускать к себе чужаков! – ответил старик коверканным, но русским языком.

Матвей Афанасьевич был несказанно тому удивлён!

– Нет! Нет! Мы не будем заходить в ваш дом! Мы рядом с вами выкопаем землянки и будем жить в них. Прошу только хворых и детей пустить в дом, пока не соорудим жилище. Откуда говорить по-русски умеете?

– У Демидовых бываем, шкурки белок, соболей, пушнину меняем на крупы, муку, огонь. Плохой человек купец тот! Так и пытается мал-мало товара дать. Покажи своих больных. Посмотрю, кого поправить можно, а кого уж смерть заберёт.

Что-то крикнув своим соплеменникам, которые зашли в дом, старик с Матвеем пошли осматривать обоз.

– Как звать-величать вас, добрый человек? – обратился Матвей Афанасьевич к старику.

– Для вас, русских, зовусь Ильёй!

– А настоящее имя какое?

– Унху! Большой человек, значить!

– Вот, Илья, наши больные! Помочь им, бедолагам, надобно! Для начала в тепле разместить.

– Посмотрим! А там и решим!

– О чём решать? На холоде наовсе изболеются! – пробовал настаивать Матвей.

Подойдя к подводе с больными, Унху заглянул в глаза каждому из лежащих. Старик тяжело вздохнул и закачал головой.

– Нельзя всех-то в дом нести! Смерть за многими уже пришла и рядом стоит, – тихонечко ответил вогул.

– Как нельзя? Почём ты знаешь об их смерти?

– Я не знаю. Я слышу голос Сорни-Эква! Нельзя её гневить! Иначе беду накличем и все помрём!

– Что за Сорни-Эква?

– Тише! Не кричи так громко! Она этого не любит! По-вашему, это Золотая Баба! Её крик страшен и смертелен для тех, кто услышит его. Она – хозяйка Каменного пояса! Противиться ей нельзя! Я ничего не знаю! Но мне она говорит что-то, а я только могу передать услышанное.

– Что же тебе говорит эта Золотая Баба?

– Все помрут! Только двое выживут! Вот их в дом и занесём! Если остальных пустить в дом, то Сорни-Эква за всеми придёт!

– Сжался! У меня там жена Елизавета Фёдоровна, дочки!

– Жена твоя через час-другой уйдёт во тьму, а дочки не оставят её и к утру уйдут! Нет, нельзя их в дом!

– Да не врешь ли ты всё, старик? Уж если видишь или слышишь что-то, то скажи, куда мы идём и что там нас ждёт! – разгорячился Матвей.

Старик пристально посмотрел в глаза Матвею Афанасьевичу. От этого взгляда сердце у него будто упало куда-то.

– За хорошей жизнью идёте за Камень! Долог путь будет, но найдёте новую землю, где поставите дома. Далеко та сторона. Много воевать, однако, придётся! Больше ничего не слышу.

Матвея оторопь взяла от сказанного. Он понял, что дед – колдун, с нечистой связан. Перекрестившись, оставив вогула, он пошёл к обозникам.

– Общинники, разводите большой костёр для ночлега! Больных, на кого укажу, в дом занесите.

– Почто не всех, тятя? – заволновался Тихон, наблюдавший за разговором отца с иноверцем.

– Всех не берёт наш хозяин! Говорит, что дом мал и всех принять не может. Ничего, Тиша, будем костры жечь, не замёрзнем и хворобных обогреем! Ничего!

Указанных Матвеем больных снесли в дом вогулов. Сняв одежды из оленьих шкур, все вогулы казались Матвею Афанасьевичу одинаковыми. Лица у них были смуглыми и скуластыми, чёрные волосы у мужчин, как и у женщины, были заплетены в косы.

– Вот, дайте вашим больным отвар, легче будет, – подавая черпак, наполненный травяным настоем, тихо произнёс Унху.

Матвей взял посудину. Вогул о чём-то быстро заговорил с женщиной.

– Мы поделимся с вами добытым зверем, чтобы насытились твои люди. Ослабели твои воины, мясо им надо сейчас! Ещё трав дам, чай заварите и все пейте, тоже силы придаёт! Сделать всё надо, иначе и они заболеют, и за ними дух Сорни-Эква придёт. Не бойся, это целебный чай!

Матвей Афанасьевич взял угощение.

– Коль с добрыми помыслами твои дары, то благодарствуем за то!

Выйдя из вогульского дома, он вернулся к общинникам.

– Вот, хозяева передали мясо кабана, уток и травы! Мясо надобно варить и плотно по вечерам, а чай заварить и пить всем! Хозяин сказывал, что силы и здоровье придаёт! Для больных отвару дал! Попроите страдальцев.

Распорядившись, староста подошёл к подводе с больными.

– Что, Антип, как мать, девчонки?

– Худо, тятя! Матушка навовсе в беспмятстве, а девчонок огневица взяла, горят!

– Хозяин отвару дал, говорит, что полегчает. До утра бы дотянуть, а там видно будет!

– Буду молиться, тятя, просить здоровья для них у Господа Бога!

– Молись, сынок! Молись!

С тяжёлым сердцем Матвей Афанасьевич вернулся к своей подводе.

– Что, Матвей Афанасьевич, тяжело тебе? – приступил к разговору Тимофей.

– Да! Худо супруге моей и дочкам! Уж хуже и не бывает! Старик-вогул, сказывал, что помрут они к утру. Что делать? Мочи нет терпеть горесть такую! Ты что знаешь о своих?

– Отколь? В думках токмо!

Тимофей опустил голову, чтобы не показать волнения, охватившего его. Не было и дня, чтобы он не думал о своей Ефросинье.

Оба замолчали, погрузившись в свои мысли и печали. Наступила ночь.

* * *

– Ефросинья! Открой! Открой! Пусти! Чаровница ты эдакая! – царапаясь в запёртую дверь небольшой хатки, стоявшей на окраине хутора, скулил, словно пёс, хуторской атаман.

Стояла середина лета. После знойного дня легла ночная прохлада, с Дону тянуло влажностью. Яркий рожок лунного месяца с рассыпанными по ночному небу звёздами отбрасывал серебряный свет. В садах шелестели вишни, теряя спелые налитые ягоды. В наступившей тишине, казалось, слышно было, как бьётся в груди сердце. Немолодой казак Щёлковского хутора, атаман здешнего казачьего войска Степан Войнов не первую ночь тёрся у избы Ефросиньи.

– Вот, Фрося, через тебя все мои несчастья! Напился горилки вот! Ну, давай хоть погугарим здесь, на крылечке! Выдь сюды! Ефросиньюшка!

– Не об чем мне с тобой гугарить! Домой ступай! Пади жена уж потеряла тебя! Дети батьку ждуть! Хоть людей постеснялся, что ль! – стоя в избе возле запёртой двери, дерзко отвечала молодая женщина.

– Да уж не до стеснительности мне! Весь хутор знает про мои к тебе «походы»! Уж скоро на смех казаки меня поднимут! Пусти, Ефросинья! Ведь знашь, что любя ты мне давно! Ещё в девчонках любовался тобой! Не моя в том вина, что поздно ты родилась! Не уйду! Так-то! Открой! Выломаю дверь!

– Не пущу! У меня муж есть! Али забыл ты, Степан Лукич?

– Муж! Где он, твой муж? Когда он возле тебя был, то я и не смел открыться! Нет мужа твоего! Сгинул Тимофей! Известно, кандальный век короток!

– Никто его не видал в кандалах! Вергается Тимоша! Уйди ты, Степан Лукич! Мужа я жду!

– Вот заладила! Мужа она ждёт! Смотри, Ефросинья! Я не сказывал жандармам, что ты знаешь, где твой муж ховался! А как скажу, так и тебя в кандалы оденут!

– Вот ты как запел! Да хоть что говори! Пушай жандармы придуть и срестуют меня! Сказываю тебе, Тимошу жду!

– Ох! Не зли ты меня, Фрося!

– Ишь, что удумал! Казачка я аль нет! Спугать решил! Уходи! Не приходи ко мне боле никогда!

– Ну, Ефросинья, последний раз я под дверьми стою! Пожалеешь ишо! Хочь о сынке подумай! Тебя срестуют, что с им будет?

Плюнув на дверь, Степан резко развернулся и побрел к своему дому. Молодая женщина, тяжело вздохнув, подошла к окну. Увидев, что атаман уходит, она открыла его.

– Ах, как вольно дышится! С Дону тянеть! Тимоша мой, Тимоша! Где же ты? Некому меня защитити.

Она продолжала стоять возле открытого окна. Её чёрные глаза наполнились слезами. Расплетая длинную косу, Ефросинья будто застыла. Лицо оставалось неподвижным, глаза, не моргая, смотрели в пустоту ночи. Наконец женщина очнулась. Прикрыв оконце, она подошла к детской кроватке.

– Где же наш батька, сынок? Сколь ждать его?

Поправив у спящего ребёнка опустившееся одеяльце, Ефросинья легла в постель. Тотчас ночные думы овладели ею. Вспомнились годы, прожитые с мужем. Казалось, что счастью не будет конца! Всё у них ладилось! Бедно жили, но не нищенствовали! Оба рано осиротели. От умерших от неизвестной болезни родителей Фросе достался небольшой домишко, где и жили молодые супруги. Крутились как могли! Но после того, как в поместье, где работал зиму Тимофей, отказались платить, казак поджёг усадьбу! Собрала Фрося мужу узелок с пропитанием, он сказал: «Жди!» Вот и всё! Уж год миновал! Никакой весточки! Может, и впрямь в живых нет! Уж занялась утренняя зорька, а молодая женщина так и не сомкнула глаза.

Подойдя к своему дому, атаман Войнов, изрядно захмелевший, резко повернул на тропу, ведущую к жилью есаула Панкратьева, исполнявшего поручения царского сыска.

– Ах ты, чертовка! Посмеяться решила надо мной! Вот я тебя проучу! Каторжанное отродье! – ворчал разозлённый Войнов на непокорную казачку.

На дворе стояла ночь, но атамана это не остановило. Уж очень его разъярила эта бабёнка! Подойдя к дому, Степан Лукич громко постучал в тёмное окошко.

– Кто там? Кого нелёгкая ещё принесла? – заворчал за дверью мужской голос.

– Василий Силантиевич! Это атаман Войнов тебя беспокоить! – отозвался тот.

– Атаман? Почто ночью? Неужто дня не мог дожидаться? – продолжал ворчать есаул, гремя замком запертой двери.

– Срочное дело у меня до вас, Василий Силантиевич!

– Что за дело такое срочное?

Входная дверь в дом с лязгом открылась. На пороге в одном исподнем белье с лампой в руке стоял есаул.

– Простите, Христа ради! Терпежу нет боле! Хочу вам про Ефросинью Лушникову сказать! Про Ефросинью, что жёнка беглого Тимошки Лушникова!

– Что же ты хочешь об ней доложить? Сказывай! – зевая, с нескрываемым раздражением ответил Панкратьев.

– А то и скажу, что знает эта бабёнка, где хоронится ейный мужик, Тимошка, значить!

– Почто раньше не сказывал?

– Не сказывал! Токмо сейчас в энто уверовал! Знает, проклятая баба, где разбойник отсиживается! Вы её тряхните как надобно!

– А что, атаман Войнов, может, ты просто свести счёт хочешь с непокорной казачкой? Весь хутор знает о твоей к ней расположенности?

– Никак нет, я прознал об этом только давеча!

– Хорошо, утром подходи к дому Ефросиньи Лушниковой!

– Вот! Вот! Правильно! Надобно эту бабу за муженька потрясти хорошенько!

– Иди! Иди! Всё завтра утром!

Есаул закрыл дверь. Войнов не помнил, как пришёл домой и свалился в кровать, мертвецки уснув.

– Проснись! Проснись! Степан! – очнулся Степан Лукич от крика жены.

– Что орёшь? Дура! Не видишь, что сплю? – поворачиваясь на другой бок, ответил атаман.

– Вставай! Говорю! Ефросинью Лушникову срестовывают! Ты напакостил? Чёрт ока-янный!

– Кого? Ефросинью? – выпучив глаза от неожиданности и испугу, вскакивая с постели, крикнул Войнов.

Быстро одевшись, он побежал к дому Лушниковых. Нехорошее предчувствие заполнило его душу. Он вспомнил свой пьяный ночной поход к есаулу Панкратьеву. Нервная дрожь охватила всё его тело. Он побежал. Возле дома Ефросиньи уже собрался народ. Бабы, уткнувшись в головные платки, молчали. Казаки гудели.

– Когда это было видано, что бабу срестовывают? – раздалось в толпе.

– Не ответчица она за ейного мужа!

– Дитё куда?

– С мальцом что будет?

Возле дома стояла Ефросинья со скрученными верёвкой руками, к ней жался испуганный малец. Степана как жаром обдало! Он растерялся! Фрося увидела его. Они пересеклись взглядом.

– Фросинька! Прости ты меня за ради Христа! С пьяных глаз сболтнул что-то есаулу! – бросился он к женщине.

– Пошла! Пошла! – подталкивая женщину оружием, крикнул Панкратьев.

Ефросинья, окружённая служивыми, со связанными руками, пошла к стоявшей неподалёку телеге.

– Господин есаул! Господин есаул! Что вы делаете? Я вчерась с пьяну наврал вам! Пушайте Ефросиньюшку! Богом вас молю!

Собравшаяся толпа молчала. Все с удивлением смотрели на атамана Войнова.

– Разберёмся! Разберёмся! – продолжая подталкивать арестованную, ответил Панкратьев.

И тут Ефросинья резко повернулась в сторону Степана Лукича.

– Степан Лукич! Петеньку, сыночка моего, не брось! Нет у него ни батьки, ни матки! Боле ни о чём тебя не прошу! И прощай!

– Ефросиньюшка! За сыночка своего не беспокойся! Как своего взрашу!

По щекам Степана Лукича текли слёзы.

– Атаман! Ты что нюни тут распустил! Народ на тебя смотрит!

– А ты, Василий Силантьевич, человек пришлый, обычаев наших не знашь! Так и молчи! Люди-то, они всё видять, знают и понимают! Подлость я свершил! Каюсь! А как искупить сей грех? Кто мне скажет? Отпустил бы ты на милость Ефросинью! Гутарю тебе, что соврал я давеча об ней! Пьян был да зол! Ефросиньюшка, – вновь обратился он к Фросе, – и дом твой постерегу! Не волнуйся за хозяйство!

Войнов подошёл к телеге, возле которой стоял плачущий мальчик лет трёх, не отпускавший юбку матери. Он взял его за ручку, продолжая стоять возле арестованной.

– Фросинька, прости ты меня, подлеца! Век за тебя молиться буду!

Телега тронулась. Народ стал расходиться, искоса поглядывая на стоящего посреди дороги атамана.

Степан Лукич сдержал слово. Петя рос в семье за родного сына. Часто Войнов приходил к дому Ефросиньи, которая пропала, как в воду канула.

* * *

– Матвей Афанасьевич! Ты мне обещался рассказать о том, куда путь держите? Помнишь? – отгоняя мрачные мысли, навалившиеся на казака, разместившись возле ночного костра, обратился Тимофей к сидевшему рядом Матвею.

– Что ж, пожалуй, можно и рассказать! – невесело ответил тот.

Тимофей Акинфиевич придвинулся ближе к собеседнику. Люди, уставшие от трудного пути, спали. Костёр, поддерживаемый караульщиками, потрескивал, отбрасывая искры при очередном подкидывании еловых веток. Возле огня не чувствовался тягун, спускавшийся с гор пронизывающими сквозняками. Ветер стих. На ночном небе показались звёзды. Хвойные великаны застыли в неподвижном молчании. Небольшая долина, давшая людям пристанище, уснула.

– Гляди-ко, Тимофей, звёзды на небушке показались! К морозам! Проясняется! Зима на задворках! Завтрева похолодает!

– Пора! Я второй год в здешних местах. Зима придёт за одну ночь! Сразу крепкими морозами! А потом... Снег повалит. И мы здесь, в этой долинке, окажемся, словно на острове. Ни проехать сюды будет и ни добраться! Можно считать, что надёжно мы укрылись от всех чужих и нежелательных людишек. Матвей, не доверяешь мне будто? – с тревогой в голосе обратился казак к Матвею Афанасьевичу.

– Думаю, что можно довериться тебе, Тимофей Акинфиевич. Вместе путь после зимовья тутошнего будем держать. Зиму вот только надо пережить, людей не потерять. Ночью помрут опять часть общинников! Вот горесть меня и гложет!

– Откуда знаешь? – удивился казак.

– Дед вогул сказывал. Он глава семьи, остальные – это сыновья, зять, дочь и внук его. Хозяин наш с нечистой силой знается! Шаман что ли! Он будущее видит! Это точно! И о нас сказывал, что будет путь долог, но найдём мы землю, где дома поставим. Трудная дорога предстоит! Не только от болезней, но и в сражениях, которые сопровождают нас, люди умирать будут. Вот и думаю я, может, зря мы отправились в Сибирь? Может, тятя мой сказку рассказывал о Беловодье? Может, и нет таковой стороны? И всё зазря?

– Беловодье? Звучит, словно «рай»!

– Примерно так и сказывал мой тятя. Староста он многолюдной поморской общины, что по берегам Белого моря от царских преследований поселилась, крепко держась истинно православной старой веры. Да и туда, в Архангельскую сторону, царёва власть пришла. Разор и смерть грозит нам! Вот и отправил меня отче Афанасий в Сибирь искать новую землю, что Беловодьем исстари прозывается. Есть! Есть такая страна! Это я так, чуток с горести сомнения высказал!

– Да что за земля такая, Беловодье? – прервав рассуждения Матвея, томясь от любопытства, нетерпеливо переспросил Тимофей.

– Спрятана та страна от людских глаз. В стране той все равны и все счастливы. Земли плодородные, а воздух целебен. Никто там ни в чём не нуждается. Человек живёт трудом и молитвой праведной. Пшеница сама растёт, только брось зерно в ту землю, скот пасётся на пло-

родных лугах. С огромной Белой горы стекают воды, образующие реки, в которых рыба всякая невиданная обитает. Лежит та страна в Сибири, сокрыта от людских глаз старыми Алтайским горами. И живёт там народ добрый и праведный, с чистым сердцем и помыслами. Скрыта она от злых людей. И зовётся эта страна – Беловодье.

– Красивая сказка! Прямо рай на земле! Должно быть, только сказка и есть! Для утешенья страждущему человеку выдумана. Неужто ты, знающий человек, и сподобился сему поверить? Матвей Афанасьевич? Стольки людей положили за сказку эту?

– Не сказка это! Есть такая сторона! Были туда ходоки из общины нашей!

– И что? Вертались и сказывали об ней?

– Часть осталось там, а часть вернулась к нам, на Север!

– И маршрут известен тот?

– Да! Карту и описание пути они составили!

– И где же карта эта? У тебя, Матвей Афанасьевич?

– У батюшки осталася!

– Неужли тебе не дал?

– Есть у меня копия! Срисовал я её перед дорогой! Стало быть, не сказка это! Идём мы туда, на Алтай! Там, на берегах Белой реки, лежит та земля, оттого и прозвали её Беловодьем! Так-то, Тимофей Акинфиевич!

– Покажь, Матвеюшка! Покажь мне! Не смогу поверить в Беловодье, ежели своими глазами карту ту не увижу! Покажь, Богом тебя прошу! Пусть и крестимся мы по-разному, а Бог-то он всё един! Молю тебя, Матвей Афанасьевич!

– Не могу я этого сделать, Тимофей! Тятя мне завещал не делать этого!

– Почему секретность такая?

– Люди могут из-за чертежа того перессориться, завраждовать! И тогда не откроется нам путь до Беловодья! Общинники знают об этой заповеди и не ропщут.

– Значить, ты и батя твой хранителями сей тайны являетесь!

– Мы храним заповедный путь в царствие справедливости! Не этого ли и ты ищешь, казак?

– Так-то оно так! Да только трудно мне поверить, что есть такая страна!

– Невольно не буду, Тимофей Акинфиевич! Ежели не возжелаешь с нами в Беловодье идти, то и принуждать не станем в том. Перезимуем, а там ступай, куда захочешь! Хотя человек ты знающий в воинском деле! Нам такие ой как нужны! Сражаться с лихими людьми придётся! Однако сам решай.

– Зима впереди! Весна придёт, тамо и посмотрим!

– На том и порешим, Тимофей! Скоро уж светать начнёт! Давай-ка соснём часок-другой! Пойду ещё гляну на своих болящих! Как там они? А ты спи, силы набирайся после отвара, что вогулы дали.

Матвей Афанасьевич пошёл в сторону подводы с больными.

Тихон, дремавший в подводе Зыковых, увидел отца, идущего к больным. Окончательно проснувшись, он догнал Матвея Афанасьевича.

– Тятя, я с тобой!

– Почто не спишь, сынок?

– Да как-то мне боязно этих иноверцев.

– Что ж их бояться? Видишь, они нам помогают. Народец дикий, но нас не чураются. Не бойся их, Тиша!

– Болезненных наших не взяли к себе в дом! Нас не пуцают! Разве так-то люди поступают?

– У них свои нравы, сынок! Мы их не знаем, потому не во всём понять можем. Русского человека не всякого распознать можно, а тут – иноверцы! Ничего, видать, что народец незлостный! Не гонит нас с обжитого ими места! И на том спасибо!

Разговаривая, отец и сын подошли к подводе Антипа.

– Антипушка, наши-то как? – с волнением обратился к старшему сыну Матвей.

– Плохо, тятя! Матушка чуть жива! Девчонки тож горят, во бреду лежат. А матушка тихо-тихо лежит, кажись, что и не дышит даже. Только нагнувшись над ей, можно понять, что жива. Горе какое! Уж два человека умерли! Вон они лежат в сторонке, накрытые попоной. – Антип показал на ближайшую сосну, где и покоились усопшие.

– Да упокоятся души усопших! Причастить успел всех! Завтра отпоём их как полагается! Службу заупокойную проведу. Захороним здесь. Земля ещё не застыла, мягкая! Горе какое!

Матвей Афанасьевич, перекрестившись, подошёл к лежащей супруге.

– Лизонька! Лизонька! Как же ты исхудала! Даже узнать тебя, голубица ты моя, сложно!

Тихон и Антип были удивлены тому, как ласково и с нескрываемой любовью обратился отец к матери, лежащий уже не первый день в беспамятстве. Привыкнув к суровости нрава своего родителя, они почувствовали, как горестно скорбит Матвей. Взяв холодную руку жены в свою ладонь, он прикоснулся к ней губами и приложил её к своим щекам. То ли от его голоса, то ли от прикосновения, но Елизавета Фёдоровна открыла свои глаза.

– Лизонька! Матушка ты моя! Супруга ты моя любезная! Очнулась, голубушка! Может, испить дать отвару горячего? – Матвей не отпускал руки жены.

Елизавета Фёдоровна смотрела на него потемневшими глазами, источающими безграничную любовь. На ее исхудалом лице появилась слабая улыбка.

– Матвеюшка, помираю я, должно быть! – совсем тихо произнесла она.

– Что ты, что ты! Голубушка моя! Вот отвару попьёшь, и полегчает тебе.

– Нет! Не хочу я отвара! Прощай, Матвей Афанасьевич! Береги деток наших! – Елизавета пыталась перекрестить мужа, но не смогла.

Голос её пропал. Рука безжизненно повисла. Прерывистое дыхание оборвалось. Матвей бережно сложил руки умершей супруги на груди и тихо перекрестил её. Тихон и Антип застыли возле подводы с лежащим на ней телом матери. Матвей Афанасьевич стал читать молитву над усопшей за упокой её души.

– Отнесём тело страдальцы нашей к сосне. Беритесь за попоны, – тихо обратился он к сыновьям.

Матвей Афанасьевич вновь вернулся к больным. Он открыл лица дочек. Девочки покрылись испариной.

– Давал ли ты, Антип, девочкам отвару?

– Да, тятя!

– Пропотели, прогрелись, стало быть! Может, милостив к нам будет Господь? Поправятся дочки! Отдыхай, Антипушка! Ежели хуже станет дочкам, кликни меня! Пойдём, Тиша! Помолимся за здоровье сестричек, да соснуть надо малость!

Однако не успели отец с сыном уснуть, как к ним подбежал взволнованный Антип.

– Тятя, тятя, помирают, кажись, сетрушки! Пойдём скорее! Скорее!

Соскочив с подводы, мужчины бросились к больным. Девочки бредили. Огневица нещадно опалила их лица и тела. У Матвея Афанасьевича по щекам текли слёзы, которых он не замечал. Сыновья тоже плакали. Они понимали, что теряют сестёр! Матвей стал читать отходную молитву. Братья не прекословили отцу.

Девочки затихли и, не приходя в сознание, одна за другой умерли. Навалившемуся горю не было конца.

– На всё воля Божья! Матвей Афанасьевич! – тихо молвил подошедший к Зыковым Тимофей Акинфиевич.

Он взял, словно немощного, под руку Матвея и повёл его к костру. Того бил сильный озноб. Казалось, что сознание покидает Матвея Афанасьевича.

– Попей, сердешный, чаёк травяной! Душа-то и согрется! Нельзя тебе, Матвеюшка, горем себя изводить! Людей сколь за тобой! Им жизнь сохранить надобно!

Попоив горячим отваром общинного старосту, казак тепло укрыл несчастного и уложил на еловые ветки поближе к костру.

На следующий день умершие за истекшую ночь общинники были захоронены. Матвей Афанасьевич был потрясён предвиденьем вогула.

Выпал первый снег. Он покрыл землю, угрюмые скалы, припорошил деревья. Задул колючий ветер, и серое небо не сулило ничего хорошего. Душа Матвея Афанасьевича словно застыла, будто и в сердце проникла зимняя стужа. И только ответственность перед доверившими ему свои судьбы людьми заставляла двигаться, что-то делать и принимать решения.

– Пойду к вогулам! Попрошу Унху помочь нам определиться с зимовьем, – сказал он сыновьям, не оставившим отца и находившимся всегда рядом с ним.

– Тятя, может, с тобой пойти? Нездоровится тебе! Слаб больно! – с тревогой за отца, почерневшим за одну ночь, обратился к Матвею Тихон. За сутки на голове у общинного старосты прибавилось седых волос, будто с ними навалился непомерный груз десятка годков.

– Нет, сынки, один пойду. Так-то спокойнее будет нашим хозяевам.

Матвей Афанасьевич пошёл к большому дому иноверцев. Семья вогулов, разместившись возле очага, была занята утренней трапезой.

– День добрый, Унху! – произнёс он, сняв с головы лохматую шапку. Подчёркивая уважение к хозяину дома, Матвею не хотелось называть главу семьи русским именем.

– И тебе здравствуй, человек! Унху тоже хочет знать твоё имя, – приветливо ответил вогул.

– Матвеем зовусь, а по отцу Афанасьев сын, – ответил общинный староста.

– Забрала смерть людей, о которых я сказывал?

– Да! Унху! Покинула меня супруга с двумя дочерьми!

– Такова воля Сорни-Эква! А ваши больные, что у меня в доме, пошли на поправку. Слабы ещё, полежат денёк-другой и встанут. Что скажешь, Матвей? Куда дальше пойдёте?

– За больных благодарствуем. Продолжим свой путь весной, пока же к зимовью готовиться надобно. За тем к тебе и пришёл. Подскажешь, где нам сподручнее землянки устроить?

– Нет! В земле ямы рыть нельзя! Камень – наша земля! Тяжело копать, силы много уйдёт. Зима здесь! Не успеете! Зимуйте! – продолжил Унху, – Надо строить чумы. Мои сыновья помогут вам. Родня кочует по тайге и живёт в чумах. Большой дом есть только у меня, зато большим человеком прозываюсь. Шкурами оленьими покроете, землю застелите, очаг сложите. Тепло будет! Шкуры олени, медвежьи, волчьи мы вам дадим. Потом сами ещё добудете. Перезимуете!

– Спасибо, Унху!

– Вот тебе мои сыновья, Яр и Натыр, они вам покажут, как строить чум. Поставите большой чум, там хватит места.

Вогул о чём-то заговорил со своими сыновьями.

– Яр и Натыр поставят чум, с остальными справитесь сами. Заготовьте брёвна, глину, пока земля не замёрзла.

С этими словами Матвей Афанасьевич вышел из дома вогула вместе с его сыновьями. Собрал возле костра общинников, он закрепил мужчин и женщин за отдельными участками работы. Тихон, Тимофей Акинфиевич и он сам остались с сыновьями Унху сооружать чум, остальные занялись заготовкой леса. Работа шла целый день. Звенели топоры, повизгивали пилы. Матвей смотрел, как строится невиданное жильё.

– Неужель не замёрзнем! Больно просто всё! – думалось ему.

Такие же мысли овладевали многими обозниками. Однако, доверившись вогулам, никто возражать не стал. Работа спорилась. К ночи чум был готов. Это было конусное сооружение, покрытое оленьими шкурами. В центре установили открытый очаг, сложенный из брёвен, обмазанных глиной. Дым уходил в небольшое отверстие в верхней части чума. После завершения установки сыновья Унху принесли медвежьи шкуры и застелили землю внутри чума.

– Вот вам и крыша над головой! Хороший чум получился! Большой! Немного очаг дымит, но, как только высохнет глина, это пройдёт. Огонь поддерживайте постоянно. Пусть земля прогреется. Тепло будет! Унху доволен работой сыновей!

– Спаси господи тебя, мил человек! Как это ловко и быстро у твоих сыновей получилось! – радовался Матвей.

– Мой народ всегда жил и живёт в лесу, в горах, по берегам рек! Мы – таёжные люди!

– Так далеко живут твои родичи? – удился Матвей Афанасьевич.

– Да! Да! Далеко зашли! Вот Большой Камень наш, в Сибири до самой большой реки дошли! Вы, русские, её Обью называете. Это далеко! Далеко! Много солнц надо идти!

– Унху! Вы знаете Сибирь?

– Я – нет! Но мои родичи знают, а я знаю путь до родичей, а они знают дорогу к другим родичам, и так до самой Оби! Мы все охотники! А у охотников много-много троп!

Ничего на это не сказал Матвей, однако подивился осведомлённости вогула. В последующие дни работа по сооружению чумов шла быстро. За три дня жилища были готовы. В чумах было тепло, общинники не могли нарадоваться на долгожданный отдых.

– Теперь охотиться надо! Мороз встанет, так и рыбу наловить тоже надо. Зимой трудно на охоту ходить будет. Надо заготовить мясо, шкуры сейчас! – оценивая результаты труда общинников, рассуждал Унху.

– Что ж, это занятие нам ведомо!

– Вогул охотится иначе! Мой зять пойдёт с вами за добычей и покажет наши ловушки на разных зверей. Вы громко бьёте зверя, а мы это делаем тихо, не гневя Сорни-Эква! Громкий залп оружия может помешать ей. Сорни-Эква не любит шума! Нельзя гневить Сорни-Эква!

– Унху, расскажи мне о Сорни-Эква! Ты часто обращаешься к ней!

– Никто из моих сородичей не видел её и не знает место обитания Сорни-Эква! Старики сказывали, что тех, кто ненароком забредал в жилище Сорни-Эква, настигала страшная смерть! Больше ничего я тебе не могу сказать. Нельзя беспокоить Хозяйку разговорами о ней! Сорни-Эква покарает!

Матвей Афанасьевич уловил в интонации голоса вогула гнев и прекратил расспрос.

– Хорошо, завтра поутру и пойдём! – согласился Матвей.

Он полностью доверился семье Унху после обретения жилища. На следующий день сыновья Матвея Афанасьевича и ещё несколько общинников ушли на промысел. Остальные занялись обустройством зимовья и сооружением небольшого сарая и загона для лошадей.

– А кормить чем лошадей будете? – подойдя к строению, спросил вогул.

– Вот беда! Заканчивается прокорм! – горестно, со вздохом, промолвил казак.

– Я покажу, где ягель найти можно! Мои олешки его едят! Может, и лошади тоже будут!

– Что ж! Надо испробовать! Иначе погибнут! Горе для нас большое будет!

– На днях побываем в тех местах! Пока попробуй у наших оленей возьми ягель!

Унху вместе с Тимофеем Акинфиевичем пошли в загон с оленями.

Легла зима. Снегопады засыпали все тропы. Казалось, что люди небольшой горной долины остались одни на всём белом свете. Завыли метели, пурга закрыла солнце. Светило на небосводе появлялось редко и ненадолго. Зимующим общинникам казалось, что разбушевавшиеся ветра и метели сомнут их маленькое жилище, и мороз не пощадит православных. Приходилось постоянно поддерживать огонь в чумах. Порой на землю опускались такие морозы, что могучие ели звенели, будто жаловались на отпущенное Богом тяжёлое испытание. Выходцы

с Беломорья, поморы, знавшие северный лютень, и то удивлялись крепости морозов Каменного пояса. И только иногда природа, словно из сочувствия к людям, немного отступала. И тогда яркое солнце, словно радуясь полученной возможности, ликовало на лазурном небосводе, вселяя в людей надежду на избавление от зимней стужи.

В такие редкие дни общинники вместе с семьёй вогулов уходили в тайгу за добычей. За зиму общинники постигли немало премудрости от лесных людей. Поставленные ловушки, капканы на звериных тропах всегда приносили удачу. Одежда, пошитая из шкур животных, была удобной и тёплой. Отвары из заготовленных лесных трав и древесной хвои помогали сохранить силу и бодрость в теле. Общинники набрались крепости для продолжения пути. Все ждали приближения весны.

* * *

Размышляя о предстоящей поездке в град Петра Великого и о встрече с императрицей, Акинфий зашёл в рабочий кабинет.

– Пушай, пушай мои недруги содрогнутся! Чистейшее жёлтое серебро весом в одиннадцать килограмм! Обзавидуется нечисть! Придётся матушке Елизавете Петровне слиток поднести. Так ведь и не жалко! Дочь Петра! На великие дела серебро пойдёт! Да и доноски поутихнут, коль сам алтайские заводы в казну передам!

Акинфий нервничал. В голове звенело, он задышался от подступившей слабости, его мутило, всё тело лихорадило. Получив весть о том, что двор Елизаветы Петровны временно находился в Москве, Акинфий Никитич спешил на назначенную ему императрицей аудиенцию.

– Хворь, что б её! Не вовремя! Не вовремя! Аж в глазах темнеет! – тихонько ворчал Акинфий Никитич, садясь в приготовленную для него коляску, высланную медвежьими шкурами и лисьими покрывалами.

Шёл февраль, однако погода стояла весенняя, словно уж март был на дворе. Уральская тайга с крутыми каменистыми спусками, снежными заносами словно не желала пускать яркое солнце, памятуя, что ещё рано встречать весну. Высоченные сосны, ели, лиственницы, одетые в снежные шапки, не пропускали солнечные лучи, а старые горы преграждали проникновение весенних ветров. Белый снежный покров, укутавший стылую землю, оставался первозданным в своей белизне. Здесь, внизу, на земле стоял зимний сумрак. Демидов торопился, пока тележные дороги ещё не закрылись под весенним солнцем. Весна на Урал приходила внезапно, ровно так же, как начиналась зима.

Небольшой охранный отряд из верховых яицких казаков в двадцать сабель с огнестрельным оружием и боеприпасами ожидал отправления. Сев в коляску, укутавшись мехами, надев поверх торжественного камзола соболью шубу, заводчик дал команду отправляться. Коляска, мягко покачиваясь, словно поплыла по наезженной зимней дороге. Немного проехав, разомлев от тепла, после волнительной и бессонной ночи Демидов слегка задремал.

Акинфий Никитич прекрасно понимал сложность предстоящего визита к императрице. Многочисленные недоброжелатели давно уже забрасывали государыню наветами. Мол, Демидов на Алтае ведёт тайную добычу серебра и золота. Акинфий знал, что добыча благородных металлов частным владельцам запрещена. Старик решил сделать упреждающий ход: свои алтайские заводы, на которых выплавлялось серебро, Акинфий предложит передать в ведение «высочайшего кабинета». Захватив с собой мастера по выплавке серебра Иоганна Юнганса, он решил сам доложить императрице о якобы впервые выплавленном на Алтае серебре и поднести невиданный доселе слиток жёлтого серебра.

– Матушка от подарка придёт в неописуемый восторг! – размышлял Акинфий о своём замысле.

Даже самому себе Демидов боялся признаться, что в подземной части Невьяновского завода был оборудован тайный монетный двор, где чеканились серебряные рублики.

– Про золотишко умолчу, да прости меня Господь! А матушка от того не обеднеет! Вон серебра сколь дам!

Выплавкой золота Акинфий Никитич Демидов занимался на алтайских Колыванских заводах уже не первый год.

* * *

Весна пришла так же неожиданно и сразу. С самого утра засверкало солнце, подул влажный ветерок. Уральские горы казались не такими суровыми, и тайга будто перестала шуметь. Набегающий ласковый ветерок касался лесных вершин, и лесные красавицы сбрасывали снежные шапки. Вокруг сверкал белый снег. Пригревшись на солнце, лесные птицы и прочая живность покинули свои зимние укрытия. Измученные зимней стужей, почувствовали приближение весны и люди.

– Что, сынки, пора нам готовиться к походу. Хочу об этом поговорить с вогулами. Если бы не они, пропали бы мы в этом краю.

– Да, тятя, Унху и его семья многое сделали для нас, – вторил в ответ Тихон.

– Не знаю, как отблагодарить его за проявленную к нам сердечность!

– Тятя, скоро мы тронемся? Надо бы лошадей хорошо подкормить перед тем, как обоз тронется в дорогу, – обратился к Матвею Антип.

– Не знаю здешней природы и что тебе ответить. Надо спросить Унху о благоприятном времени отправления обоза. Травы бы первой дожидаться, чтобы лошадей перед дорогой хорошо выпастить. Завтра пойду к вогулам.

На следующий день, поутру, Матвей Афанасьевич зашёл в дом к вогулам.

– Здравствуй, Матвей! Унху рад видеть тебя! С началом пробуждения тебя и твоих людей!

– Пробуждение? Это что же, весна пришла в ваши края?

– Нет пока! Но зверь и птица принесли первую весть! Скоро придёт весна!

– Сколько же её ждать?

– Несколько недель! Это только вестник! Ещё метели будут, и снег будет засыпать лесные тропы. Унху это знает! Ты хотел спросить меня о том, когда вам можно будет продолжить свой путь?

– Да, Унху! Именно об этом я хотел с тобой поговорить.

– Рано ещё! Но кое-что надо уже сделать!

– Что же, Унху?

– Лошадей надобно хорошо кормить! Мясa навялить, рыбы засушить. Весенние ветра, они для этого хорошие! За зверем и рыбой идти надо!

– На счёт охоты и рыбной ловли ты прав! Но лошадей чем кормить? Они еле перезимовали!

– Сейчас из-под снега первый ягель покажется. Он мягкий, словно трава. Мы пойдём за ним вскоре. наших оленей тоже хорошо кормить надо, слабы за зиму стали. Через день, другой пойдём в те места на оленях, вы тоже на лошадях пройдёте. Поживём там немного, чтобы олени и лошади попаслись на молодом ягеле, заготовим его для дальней дороги. Окрепнут, силы наберут, потом и в дорогу можно!

– Спасибо тебе, Унху, за участие, за помощь и сердечность!

– Не говори мне сейчас этих слов! Будто прощаешься уже со мной! Ещё много дел предстоит сделать, прежде чем вы в путь тронетесь. Когда время придёт, тогда и попрощаемся!

– Ты как всегда прав, Унху! Сегодня же и отправлю общинников на охотный промысел.

– Так! Так! Надобно готовиться!

Попрощавшись со своим гостеприимным хозяином, Матвей вернулся к стойбищу общинников. Старообрядцы приступили к заготовкам.

Время будто летело. С каждым прожитым днём солнце пригревало сильнее. Вскоре появились первые проталины. Открылись лесные тропы. Как и обещал глава семьи вогулов, лошадей отогнали на выпаса. Молодой ягель животные ели хорошо. С каждым прожитым днём приближалась долгожданная минута продолжения пути. Обозники были готовы.

И вот этот день настал.

Накануне своего отъезда общинники навестили погост, где остались их сородичи.

– Прощайте, доченьки! И ты, Лизонька, прощай! – стоя с сыновьями возле могил жены и дочерей, склонив головы, молвил Матвей Афанасьевич.

Сотворив молитву об усопших, общинники вернулись к гружёным обозам.

– Ну, что, Тимофей Акинфиевич, ты решил? Пойдешь ли с нами, или наши пути-дороги разойдутся? – обратился Матвей к казаку.

– Я думал об этом, Матвей Афанасьевич! Решил, что с вами в Сибирь пойду. Вы ведь после достижения Беловодья вертаетесь за своими сородичами?

– Да! Мой тятя, братья и община православная ждут меня!

– Вот и я в ту пору вертаюсь за своей Ефросиньей, коли жив останусь!

– Я рад! Ты мой товарищ в этом походе! Пойду, попрощаюсь с нашими спасителями!

Отобью им прощальный поклон! – сходя с подводы, обратился к казаку Матвей.

В доме вогулов была в сборе вся семья. Матвей благодарил всех и низко поклонился главе семейства.

– Прощай, Унху! Пусть ваши боги будут милостивы к вам!

– Матвей, вот тебе письмо к моим сородичам и карта тропы до них. Это тебе поможет дойти до реки Обь. Помнишь, я рассказывал тебе про своих сородичей?

– Да, Унху, помню! Но что это за письмо? Это ведь просто камень! – беря в руки чёрный с зелёными прожилками камень, удивился Матвей Афанасьевич.

– Нет, Матвей! Это послание к моим сородичам! Показав его, ты будешь ими принят как гость! Тебе всегда дадут пищу и кров! Тебе укажут путь в твоей нелёгкой дороге, если потребуется, то и защитят от недруга.

– И вновь, Унху, не знаю, как благодарить тебя!

– Пусть хранит вас ваш Бог! Иди, Матвей! Время пришло! Прощай!

Семья вогулов вышла проводить русский обоз. Попрощавшись с ними и сотворив молебен, старообрядцы двинулись в путь.

Глава вторая. Страна Беловодье

С поросших вековыми елями вершин Камня-гор на Восток, откуда встаёт дарящее жизнь и тепло лучезарное солнце, стекает бескрайняя Сибирь. Огромны её просторы, велики её богатства. В полноводных реках множество рыбы, в бескрайних лесах – пушного зверя, а земля таит неведомые богатства. Непроходимая тайга, бурные реки, синие озёра, бесконечные равнины и горы открывались смельчакам, ступившим на сибирскую землю. Не всякого пришельца принимал суровый край. Чужака в этой стороне ждали испытания на выживание. Зимняя стужа, незамерзающая болотная трясина, дикий зверь или иноверец могли сгубить слабого. Грабежи и разбой на проложенных лесных дорогах завершили жизнь многих из тех, кто посмел ступить на сибирскую землю даже с добрым умыслом. Между различными племенами, населявшими суровый, заснеженный край, куда на полгода заходит дыхание Северных ледников, вспыхивали военные столкновения, лилась кровь, гибли люди. С юга же опустошительные набеги нередко совершали маньчжурские и монгольские князья, воинственные джунгары.

В шестнадцатом веке русские военные отряды, разбив сибирского хана Кучума, позволили Московии протянуть свою руку к сибирским землям. Однако сведений о неведомом крае не было. Среди народа ходило множество легенд и преданий о несметных сибирских богатствах и вольной жизни на её необъятных просторах. Первыми русскими переселенцами в Сибирскую сторону был беглый российский люд: крепостные крестьяне, бежавшие от лютой помещичьей произвола, разбойные, прятавшиеся от сурового государева суда, пыточной дыбы, раскольники, староверы, уходившие от царского преследования, стремившиеся сохранить «истинную православную веру». Сюда шёл простой «охочий люд». Во многих местах оседали крестьяне, строили избы, распахивали землю, часто из двух-трёх дворов возникали деревушки. Русские служилые люди и предприимчивые купцы по своей инициативе проникали в новые земли. В течение семнадцатого века крупнейший, слабозаселённый Сибирский край был пройден русскими землепроходцами «встречь солнца» до холодных морей.

* * *

– Матвей! Матвей Афанасьевич! Глянь-ка сюды! – громко воскликнул Тимофей Акинфиевич, устремив свой взор на раскалённое полуденное солнце, прикрыв ладонью его ослепляющие лучи. За годы, проведённые в общине поморов, проявил он себя как знатный кузнец и тележных дел мастер. Всё время казак с нетерпением ожидал отправки староверами гонцов в обратную северную сторону, с коими и сам решил отправиться на родной Дон за своей Ефросиньей и сыном.

– Что там, Тимофей? – с тревогой в голосе откликнулся Матвей, прервав косьбу и развернувшись всем жилистым, сильным телом в сторону, указанную казаком.

Матвей Афанасьевич превратился в зрелого мужа. Голова общинного старосты, припорошенная сединой, окладистая и тоже изрядно поседевшая борода свидетельствовали о прожитых годах. Однако его коренастая фигура и широкие плечи подчёркивали немалую физическую силу.

Разогретые летней косицей, в прилипших от пота к телу рубахах, работники с волнением смотрели в сторону деревни. Там, над макушками стрельчатых зелёных сосен, в направлении их селения поднялось облако серого пепла.

– Должно быть, опять джунгары пожаловали! – протерев наспех железо косы сорванной травой, обронил Матвей.

Оба косца, захватив свои работные узлы, со всей мочи побежали к деревне. Уже через несколько минут они достигли небольшой деревеньки, затерявшейся в лесах Алтайского пред-

горя. Это был десяток срубленных из строевого леса добротных изб, огороженных частоколом, и небольшая поляна с моленной домом в центре. Плач и стенания деревенских баб и суровое молчание мужиков встретило подбежавших.

– Матвей Афанасьевич! – обратился большущий рыжий детина. – До какой же поры нам терпеть разор со стороны иноверцев? Сколь ущерба опять нанесли! Две избы спалили, скот погоняли, огороды порушили! Надо что-то делать, – загудели селяне.

– Надобно защиты искать у служивых в острожках!

– Живы все? – бросив свой взор на пепелище, оставшееся после сожжённых изб, громко обратился к сородичам Матвей.

– Да, тятя, слава богу, все православные живы! Не хотели, видно, пленных брать, дикарское отродье! – выходя навстречу отцу, за всех ответил Тихон, возмужавший и повзрослевший за годы странствий.

– Только обжились малость! Землицу возделали, а защитить себя от нечисти этой сил нет! Налетели, словно вихрь, засвистели своими плетями, сбили быков и овец в стадо – и ну погонять. А всадники для устрашения кривыми саблями машут, да дома подожгли. Зверьё и есть зверьё! – гудели общинники.

– Лихоимцы проклятые! Житья от них нет!

– Далёконько мы зашли, да земляца здешняя отменна, рождает хорошо хлебушек. Родитель наш, отче Афанасий, велел здесь, возле гор осесть. Супротив студёного северного Беломорья сея солнечная сторона райским садом кажется. Зерно только вложь в землю, так оно зрым колосом оборачивается. А что джунгары разор несут – это верно! Думать, думать будем!

После сих слов общинники-староверы пошли наводить порядок в своих усадьбах. Вскоре зазвонил небольшой колокол, напоминая о начале вечерней службы. Матвей только и успел охладить разгорячённое тело студёной водой, надеть чистую рубаху да обрядиться в церковные одеяния. Началась служба. Матвей Афанасьевич, как завещано было отче Афанасием, исполнял обязанности старосты, совмещая хозяйственные вопросы поморской беспоповской общины с духовными.

* * *

– Ну что, Тимофей, делать будем? Как думаешь? Неужто бросить всё придётся да воротаться назад? Уж сколько годков минуло, а всё не решаюсь за родичами в родную сторону посланца отправить. Не можем прижиться в сибирской стороне. Люди столько перенесли в странствиях, скольких потеряли...

– Да что ты меня пытаешь, Матвей Афанасьевич? Нешто я знаю? С сыном посоветуйся, с Тихоном Матвеевичем. По годочкам он мал, да созрел рано. Несёт груз, что взрослый муж. Завидую я тебе, глядя на сынка твоего.

– Умён Тиша, да ещё неопытен. То придёт, как оженю его. Годика эдак через два-три вступит в зрелость. А ты, Тимофей, не отнекивайся, коль совет с тобой веду. Сколь испытаний по твою душу выпало, сколь грузу с нами стерпел. Из казаков-донцев, говоришь! От царёвой немилости бежал в Сибирь! Так что же ты взад пятки теперь разворачиваешь? Давай уж вместе и дальше думку думать да дело решать, – глядя сурово в глаза своему сотоварищу, продолжил разговор Матвей.

– Благодарствую, Матвей Афанасьевич! Спасибо за доверие, это честь для меня – быть твоим сотоварищем в нелёгком деле нашем, – отнекиваясь поклоном, спокойно ответил старосте общины Тимофей.

– Сам-то ты, Матвей, сколь горя снёс в пути! Дочек потерял да супругу! Не пощадила лихоманка ни старых, ни малых! Сколь крестов в пути поставили! Сколь отбиваться от нехри-

стей-супостатов в странствии пришлось! Сохрани, Господи, дошедших в сии земли людей, – перекрестился по-православному Тимофей.

Не обращая внимания на шепотное обращение Тимофея к Господу Богу, Матвей Афанасьевич продолжил разговор со своим сотоварищем:

– Какую же думку думаешь, Тимофей Акинфиевич? Что молвишь?

– Правы люди твои, надо бы гонца послать в крепость Белоярскую, разузнать тама о намерениях царёвых насчёт закрепления землицы Сибири-матушки за государством Рассейским. Коль укрепсооружения воздвигают по государеву решению, стало быть, навсегда русские люди сюда пришли. А без крестьянина-сеятеля какая же земляца нужна будет. Мало крепости да остроги возводить, надобно, чтобы люд простой селился тута. Думаю, что поручи ты это дело сынку своему. Не по годам ловок и смышлён! Справится с задачей сей! Узнает у служивых, как да что, а мы посмотрим, там и решать что-то будем.

– Думаешь, справится Тихон?

– Даже не сумлевайся! Пошёл бы и я с ним, да не могу, в бегах я, сам знаешь, Матвей Афанасьевич.

– Может, Антипа отправить? Старший он у меня.

– Нет, младшой твой смышленнее! Да и от семьи отрывать старшенького твоего негоже. Замечаю я, что скоро вновь дедом станешь? Настасья-то на сносях вроде?

– Да, прибавления семейству жду. Через пару месяцев малец появится! Спасибо тебе за совет, завтрева и оглашу решение. Так тому и быть. Без защиты служивых нам не обойтись. Пойдём в горницу, вечерять уж пора.

Матвей и Тимофей, принятый в семействе Зыковых за родича, открыв массивную дверь, прошли в просторную горницу.

* * *

Матвеево сельцо, названное так по имени Матвея Афанасьевича, как часто бывало при возникновении новых деревень, осело на холме, у подножья которого протекала небольшая горная речушка с чистой, прозрачной водой, словно ключевой. Так и прозвали её Ключевой речкой. Ранней весной по первому яркому солнышку Ключевая разливалась, принимая таявшие в высокогорье Алтая снега и увлажняя возделываемые земли. Но к началу посевных работ она возвращалась в свои берега, однако никогда не мельчала и не пересыхала. Снега, покрывающие вершины гор, на протяжении всего звонкого лета питали речку, горные многочисленные звонкие ключи охлаждали воду, придавая ей прозрачность и особый привкус. Даже в самые жаркие летние дни Ключевая создавала прохладу на своих берегах. Мелкие камни горной породы не давали заиливаться речному дну, берега речки не зарастали ивняком и травами.словно большой ручей, Ключевая переваливалась по небольшим каменным перекатам, разбрасывая алмаз водяных брызг, которые часто в солнечные дни выстраивали солнечный радужный мост через реку, а то и несколько радуг соединяли берега быстрой Ключевой. Глядя на неё, слушая шум воды, падающей с серых валунов, путник, любовавшийся водами, ощущал бодрость. Казалось, молодость и сила возвращались в изработанное тело, и день только начинался. Водилась в Ключевой и рыбёшка: хариус любил поиграть в солнечный день, длинноусый сом забивался от яркого света под береговой камень, ища тень и прохладу, мелкая плотва мелькала стайками вдоль берегов, хищная щука охотилась на всякую речную мелочь.

За речкой начинался лес. Высоко в небо стремились макушки могучего кедра и стройной сосны. Белоствольные берёзы придавали бору свет и яркость свежей зелени. Вот придорожная берёзка, словно девица-красавица, распустила зелёные кудри. Матвей любил постоять возле неё, подумать, помечтать, словно поговорить с ней, белоствольной. Задерживая взор на люби-

мице, он каждый раз восхищался её девственной красотой. Душа словно парила в небесной лазури.

– Стоишь ты, белоствольная, стройная красавица возле лесной дороги. Белым пояском охвачена талия, в струящихся локонах ветерок играет, зелёные кудри солнышко целует. А вокруг ромашковое поле, ягоды медовые, бабочки-чудесницы порхают, птицы божи песнями радуют и сердце тревожат. Благодать! От счастья и веселья голова кружится! Всяк проходящий на тебя, девицу, любуется, прохлады твоей ищет. А как дождь тёплый омоет шелковистое убранство, так каждый листочек засверкает, заискрится в солнечных лучиках. Вспыхнет радуга переливом соцветий, будто путь указывает к небесам, к белым облакам, которые, проплывая в бездонной голубизне, красотой твоей любят. Но вот придёт август, лета последний месяц. Туманы холодные на травы упадут, росы седые хрустальные коврами выстелются, ночи длиннее и чернее станут. И заново украсишь свой наряд, девица-красавица. Распустишь косоньки золотистые, длинные-длинные, нежные-нежные. Затрепещет каждый лепесточек золотой, солнышко прося обогреть и приласкать берёзоньку. Переплетутся золотистые косы с зелёными буйными кудрями! И вновь ты в новом обличи – чаровница!

И она, словно слышала его слова, словно понимала его думки, шумела листвой на набегавший ветерок, тянула к нему свои тонкие ветви, здоровалась и кланялась. Матвей Афанасьевич приходил к своей любимице и летним зноем, и осенью, разливавшей пурпур и золото на листе деревьев, и зимнею стужею, и весной порадоваться пробуждению её новой жизни. Красивая сторона, но пока ещё не дом родной! Никак не дадут корни пустить русскому человеку инородцы, кучумовичи и джунгары! Матвей чувствовал, как прикипел он сердцем к земле алтайской, охраняемой поросшими горами.

«Неужто придётся покинуть этот край, эту землю-кормилицу, отстроенные дома, ещё пахнувшие свежим лесом?» – часто думалось ему.

Грустные мысли не отпускали Матвея Афанасьевича.

– Но, может быть, сын, Тихон, что-то решит со служивыми в крепости, – рассуждал он сам с собой, – ведь вот целые укрепления из форпостов да крепостей в Сибири сооружают. Значит, должен государь защиту дать крестьянскому люду, заселявшему этот неведомый край, должен!

Такие домыслы немного успокаивали Матвея, отдаляя принятие решения о неизбежности.

* * *

Прошло несколько дней, пока Матвей приступил к разговору со своим младшим сыном. Закончив вечернюю службу, едва сняв с головы клобук и рясу, Матвей Афанасьевич велел ключнице позвать в горницу Тихона. Дом Зыковых, выстроенный на манер строений северной стороны, был высок. Четыре окна с резными ставенками смотрели на восток, небольшой чердачок на крыше, широкое крыльцо с навесом говорили о намерении хозяина, пришедшего в эту дальнюю сторону, жить здесь со всем своим семейством долгие-долгие годы. В горнице и прочих жилых помещениях стоял запах свежего леса. От этого лесного духа на душе становилось светло и радостно. Новый дом в новом полюбившемся переселенцам краю давали надежду на безбедную жизнь, наполненную трудом, молитвой и мирной жизнью. Так думалось Матвею Афанасьевичу, сидя в светлой горнице, куда зашёл луч вечернего солнца, и оттого солнечные блики играли на стенах и натёртых до блеска полах.

Большая семья Матвея во время тяжёлого и многолетнего пути, схоронив близких, среди которых была и верная супруга Лизавета Фёдоровна, обрела надежду на будущее. Смерть настигла многих сородичей, умерших от болезней и невзгод долгого скитанья по бескрайним просторам Сибирского края, и теперь семейство Зыковых было малочисленным. Два сына –

обжённный уже тута Антип с женой и сынишкой да младшой, Тихон. К немногочисленным домочадцам ещё добавлялись ключница Степанида и конюший Федот. Отдельная опочивальня была отведена Тимофею Акинфиевичу.

Но вот в горницу открылась большая дверь, и в комнату вошёл невысокого роста черноволосый юноша. С первого взгляда было видно, что это отец и сын. Оба коренасты, широкоплечи, с большими, приученными к физическому труду, руками. Вместо окладистой, уже изрядно поседевшей бороды у молодца только-только пробивался юношеский пушок, да в чёрных кудрях не затерялся седой волос. Матвей всегда удивлялся, глядя на младшего сына, их абсолютному сходству. Да и помыслами отец и сын были близки и хорошо понимали друг друга.

– Тятя, звал? – с порога спросил Тихон. Было видно, что приглашение отца оторвало его от домашней работы. Младший сын, так уж повелось по воле его самого, занимался домашней скотиной. Вся живность, которую ещё только завели Зыковы, как и прочие селяне, была на нём. В вечерний час юноша занимался управой.

– Да, сынок! Присядь-ка, потолковать мне с тобой надобно, – показав рукой на широкую лавку и приглашая присесть сына, не спеша ответил Матвей Афанасьевич.

– Управился со скотиной?

– Да, тятя, успел вот к вечерне закончить.

– Ты бычка одного отдай погорельцам да ещё живности, птицы какой, – начал издалека разговор Матвей.

– Да, тятя, я уж и сам так думал поступить, ещё и тёлочку прибавил, пару ягнят. Думаю, что все общинники так-то поступят. Ведь не впервой нужду терпят сородичи. Кто ж им ещё подмогнёт на ноги встать и оправиться после разору. Ты меня за энтим, что ли, звал? Дак это я и сам знаю, мог и не говорить даже. Али ещё что?

– Да нет, то к слову пришлось. А звал я тебя, сынок, совет с тобой держать.

– Случилось что, тятя?

– Да как же тут не случилось! Не удержаться нам здесь без защиты служивых. Как думаешь, сынок?

– Ты прав, тятя. Надобно идти в Белоярскую крепость за подмогой. Только, думаю, тятя, вряд ли они смогут нам помочь. Слыхал я от местных алтайцев, что под джунгарами ходят и тягло несут, что мало тамо служивых, что сами всех беглых принимают да в служивые записывают, даже местными не брезгают. Да только алтайцы-то не идут к ним, боятся, что вместе со всеми крепостными при очередном набеге джунгар будут истреблены. Сами они кое-как отбиваются от лиходеев.

– Может, государь им силы придаст? Верно, в крепости знают о царёвых намерениях. Тихон, вскорости побывать там потребно да разговор повесть о том, что хлебопашцев защитить надобно от набегов джунгарских. Уйдёт крестьянин с земли здешней, и потеряет Московия Сибирь.

– Тятя, ты меня в крепость Белоярскую хочешь направить переговорщиком?

– Да, сынок, думаю, ты с этим справишься. Сули им за службу хлебушек наш, мёд, мясо, огородных плодов. Мы ведь за тягло их готовы содержанием одаривать. Нам есть что предложить за охранную службу. Тогда и алтайцы увидят силу русских укреплений, не будут под джунгарами ходить.

– Как скажешь, тятя. Когда в путь собираться?

– Пару дней тебе, Тихон, на сборы. Сам подбери попутчиков себе, но не более двух-трёх, а то заметными станете. Меньшим числом-то оно быстрее да проворнее будет. Путь недалёкий, но местные прознают и выдадут джунгарам, потому небезопасной дорога будет.

– Хорошо, тятя, я об этом смекаю. Завтрева переговорю с дружками своими Ваньшей да Федулом. Думаю, с ними путь держать. За шесть-семь днёв управимся.

– Вот и дело, сынок, на том и порешим. В провожатые возьмите Карчагу (Ястреб)¹, котомку в дорогу тебе Степанида сделает, а коня сам выбирай.

– Тятя, да на что Карчага нам? Я и без него дорогу до крепости знаю. Берега Катуня держаться будем, а на неё по шуму выйти можно. Не доверяю я местным.

– Карчага с первых дней с нами, сынок, семью свою привёл в общину, окрестился, с джунгарами сражается. Глаз его меток, тело усталости не знает, а на лошади словно летает. Карчага – хороший ратник.

– Как скажешь, тятя, так и сделаю.

К концу разговора отца с сыном солнце закатилось за макушки соснового бора и ушло за горы. Быстро стемнело...

* * *

Матвею Афанасьевичу не спалось. Вспомнились ему наказы отца о стране Беловодья, открытого когда-то православными. Рассказы о ней передавались в семье от старого к малому. Матвей, слушая стариков, не раз представлял себе эту страну, где все равны, где царит труд, любовь и вера. Их вера, которую хранили исстари со времён святого Аввакума. И вот, пройдя суровые испытания долгих странствий и лишений, она открылась перед ними. В этой стране, среди старых гор, озёр и лесов течёт белая река. Она меняет свой цвет по настроению, но главный её цвет – белый. Зовётся она Катунью (Госпожа). Утрами до восхода лучезарного солнца она курится белыми парами. Стремительно бегут её воды по крутым перекатам. Всё растёт в этой стране, лишь только упадёт в землю семя. Воздух прозрачен в своей первозданности и чистоте. Они все тогда уверовали, что достигли Беловодья. И река-Госпожа пустила их в свою солнечную долину.

Разволновавшись от нагрянувших воспоминаний, Матвей, так и не уснувший, встал, накинув дневную рубаху, перешёл в горницу и зажёл лучину. Слабый свет упал на икону, осветив лик Иисуса Христа. Матвей Афанасьевич зажёл лампадку. С иконы на него смотрели строгие, но понимающие глаза Господа. Осенив себя двоеперстным крестом, он словно застыл, рассматривая глаза Господа, продолжая погружаться в свои невесёлые раздумья.

– Ну как я скажу общинникам, что землю, к которой они стремились, надо оставить, что здесь ждёт их погибель от воинственных и алчных монголов, джунгар, китайцев, что нет сил встать на их защиту? Одна надежда – на государя. Но возжелает ли он вспомнить о непокорных, гонимых и преследуемых, не принявших никонианство православных! Что ждёт сына? Тихона? Не схватят ли его царёвы служивые, не ждёт ли его дыба? Царёва милость известна! Не от неё ли они бежали в эти далёкие земли?

Сомнения всё больше и больше терзали Матвея Афанасьевича. Он, так и не сомкнув глаз, встретил новый день в разгоравшемся рассвете.

* * *

По предписанию царя Петра Алексеевича гонимые волею и силою царскою староверы-раскольники заселяли Сибирь, воздвигали крепости и форпосты, сыгравшие важную роль в прирастании земли русской и укреплении государства Российского. Из самого сердца, из старой Московии, прошёл их путь по северным окраинам Руси. Мечтая о царстве справедливости на земле, веруя в чистоту своих помыслов, направленных на сохранение первоздан-

¹ Карчага – ястреб.

ной пресветлой веры православной, назвали они свой суровый край на берегу Северного моря Беломорьем. Белый цвет у почитателей старой веры считался символом непорочности.

Не покоровшись царю Петру, пришедшему в Архангельск Русского Севера, не приняв никонианство, они вновь двинулись с берегов Белого моря в необжитый край, раскинувшийся среди старых гор, далеко за Большим Камнем, в страну Беловодье. Следуя традиции, и крепость охранную воздвигли со служивым людом на правом берегу большой реки, назвав её Белоярской. Река та, большая и полноводная, исстари ещё первыми русскими первопроходцами, чаще из охотного промысла, прозывалась Обью. Хотя местные инородцы величали её по-иному. Русский люд воспринял от алтайцев предание о красавице Катунь, сбежавшей от отца хана Алтая, превратившись в стремительную реку. Устремила непокорная дочь свои воды к любимому Бию, который тоже превратился в горную реку, и слились воды влюблённых навеки. Так, обе реки превратились в величавую Обь. Русские поселенцы закрепили название этой многоводной реки Сибири.

Крепость, выстроенная в лето 1717 года на крутом яру Оби отрядом казаков, возглавляемых Иваном Максюковым, открывала путь к алтайским неосвоенным просторам. Рубленая деревянная крепость длиною и шириною в двадцать сажен имела четыре башни, расположенные по углам, несколько жилых изб, посреди крепости находился казённый амбар, где хранился порох и прочее казённое имущество. На территории крепости были воздвигнуты старообрядческая церковь и часовня, из которой под крепостными стенами наружу вёл подземный ход. Пушки медные, железные, большие и малые, с ядрами и полным пушечным арсеналом были в распоряжении охранного отряда.

Иван Максютя, опытный полководец, руководил многими походами и командовал в сражениях с воинственными племенами иноземцев. Гарнизон крепости состоял из казаков, крестьян, большей частью из старообрядческого толка, а также из примкнувших в небольшом количестве местных алтайцев. По велению государя крепость Белоярская и её гарнизон несли службу охранную, защищая русские поселения, находящиеся вблизи крепости.

Сюда за защитой от алчных джунгар и направил своего младшего сына Матвей Афанасьевич Зыков.

* * *

Тревожной ночью Матвей Афанасьевич, вовсе не ложившийся почивать, уже спозаранку вышел во двор проверить лошадей и прокорм для путников, собранный накануне Степанидой в мешки. Лошади, почуяв хозяина, слегка заволновались, подняв голову, застриг ушами Гнедой. Матвей не мог не приласкать своего любимца. Когда-то при очередном набеге джунгар была убита стрелой иноверца его мать. Жеребёнок, родившийся буквально накануне, будучи совсем несмыслёнышем, едва держался на тоненьких и слабых ножках. Пришлось выкармливать малыша буквально из соски. Со временем из слабенького жеребчика вырос красавец гнедого окраса с пышной чёрной гривой и таким же хвостом. Умные глаза повзрослевшего коня с любовью преданного друга смотрели на хозяина. Матвей Афанасьевич всегда бережно относился к нему, не загружая тяжёлым трудом хозяйственной лошади. Гнедой отличался лёгкостью и выносливостью в беге. Он всегда был непременным участником охотного дела хозяина. Матвей Афанасьевич доверил Гнедому своего сына в его непростом предстоящем походе.

– Ну что, друг мой, доверяю тебе моего сынка. Ты уж расстарайся, раздели с ним груз опасностей да убереги его от злого недруга, – поглаживая крутой круп лошади, негромко заговорил Матвей, – верни мне сынка живым да и сам не сорвись в глубокую горную пропасть, пусть не накроет тебя волна холодной горной реки Катунь, не настигнет стрела алчного иноверца.

Матвей Афанасьевич потрепал гриву своего любимца, на что тот издал негромкое ржание.

Солнце выкатывалось из-за гор, разливая по всей долине жизненное тепло.

– Восходит солнце нового дня, и этот день лучше долгой ночи, – глядя на загорающуюся день, раздумывал Матвей Афанасьевич. Он слушал песню восходящего солнца, которую разливал разноголосый птичий мир, возвещая всему свету о рождении новых надежд начинающегося дня.

Вскоре к нему подошёл облачённый в дорожные одежды Тихон.

– Ну что, тятя, пора в путь. Дружки мои и Карчага уже здесь.

– Да, сынок, пора! Будь осторожен! Молоды вы шибко! – с волнением в голосе произнёс Матвей. – Провожу вас до поскотины. Колчан крепи к стремени, а куяк, как к реке подойдёте, надень. Тама джунгар-лихоимец ужо поджидать будет. Карчага наемдни разведку делал, сказывал, что на тропах дозоры иноземчены расставили. Да дружков своих упреди, пушай кольчужки пододедут. Давай, сынок, поцеломкаемся!

Тихон припал к колючей щеке отца.

– Не волнуйся, тятя, всё исполню!

Взволнованный расставанием с сыном, Матвей Афанасьевич взял под уздцы Гнедого, на котором ловко восседал Тихон, и неспешно повёл коня за дворовые ворота. Там, на открытом месте, их поджидал небольшой отряд Тихона. Всадники последовали за Матвеем Афанасьевичем. Вот и поскотина. Опустив брёвна нехитрого сооружения, всадники выехали на лесную тропу.

– Карчага, – обратился Матвей Афанасьевич к алтайцу, – доверяю тебе сына своего младшего со друзьями. Сам знаешь, волнуясь за сынков наших. Опыта походного они не имеют. Надеюсь на тебя, Карчага, что проведёшь их безопасными тропами до крепости Белоярской и возвратитесь обратно с хорошими вестями.

– Не бойся, хозяин! Всё сделаю! – сдерживая за уздцы коня, ответил алтаец.

Ранним утром Тихон Матвеевич с друзьями отправился в неблизкую дорогу до Белоярской крепости.

* * *

– Что, Карчага, каков наш путь? – обратился к алтайцу Тихон, как только скрылись за могучими деревьями последние дома деревни.

– Расстояние-то до крепости невеликое. Однако путь будет неблизок. Думаю, раза в два придётся далече путь держать. Джунгар, он ловок, знает наши тропы, и обвести его – дело непростое. Дозоров немало выставил. Вы для них товар хороший, вас китайцам сразу в невольники продадут. А те жадны на русских силачей.

– И что, пытать даже не сподобятся? – бросил удивлённый возглас дружка Тихона Иван.

– Будут, да только Карчагу! Карчага много знает, и они это тоже знают. Коль хозяин доверил сына своего алтайцу, значит, знает много. Так вот!

– Какой стороной пойдём? – обратился с вопросом к проводнику Федул.

– К Катунь-Госпоже не пойдём. Шибко шумят её воды по перекатам, слух забивает, да и тропа эта легче, и джунгарский воин там будет. Пойдём в горы. Горы всё говорят. Приложишь ухо к камню дорожному, он тебе и скажет, кто скачет и сколько всадников, с какой стороны едут. Опять же, тропы пропастьями да скалами обложены со всех сторон. Не каждый пустится в путь. Нескоро будем идти, петляют тропы те, но защитят нас горы от стрел недоброго человека, – говоря всё это, алтаец будто больше рассуждал сам с собой и не глядел на своих спутников.

Карчага встретил уже немало солнечных лет в своей жизни, два раза пальцев на руках хватит. С каждым солнцем тело алтайца наливалось силой и гибкостью. Ни одна стрела не могла настичь его в боях с чужаками, которые всё чаще и чаще приходили на родную землю. Покачиваясь в седле, Карчага предался воспоминаниям.

– Многих сородичей сгубили их стрелы, настигли они и отца с матерью. Много скота и лошадей угнали эти алчущие всадники, многих из семьи достиг дух Тьмы, и покинули они Землю, высший смысл существования, и мучаются их души. Чудом выжили тогда два маленьких сына и его Лана, – размышлял алтаец.

Его узкие глаза казались прикрытыми, скуластое лицо было покойным. Но внешний вид алтайца обманчив. Зоркий глаз тотчас отмечал каждый шорох зверя или взлетающей птицы, а ловкие руки не отпускали рукоять короткой кривой сабли. Всё облачение алтайца составлял небольшой кожаный щит, закинутый за плечо лук, колчан со стрелами и кривая сабля, доставшаяся ему в бою от джунгарина.

Чуть приметная тропа, зримая только алтайцем, стала круто брать в горы.

– Отпустите поводья, лошади сами чуют дорогу. Идти надо неслышно. Камню нельзя падать вниз! Шуму много будет! Камнепад! Весь Алтай услышит нас! – обратился Карчага к спутникам.

Он ловко спрыгнул со спины своей лошади, припав на колено, приложил ухо к скали-стому выступу. Алтаец вытянутой рукой дал понять, что путникам необходимо остановиться. Так, вслушиваясь в окружающую тишину, обняв каменистый выступ, он замер на несколько мгновений, не дыша, слившись с камнем, будто став его частью.

Но вот алтаец выпрямился.

– Что, Карчага? Что ты там выслушал? – с юношеским нетерпением обратился к проводнику Тихон.

– Горы сказали, что впереди спокойно. Однако по нашим следам скачет небольшой отряд. Думаю, это три всадника. Надо бы поспешить с подъёмом в горы. Джунгары тоже умеют их слушать!

Без лишних слов Тихон с товарищами ускорили крутой подъём. Небольшие алтайские лошади, приученные к передвижению в горах, делали это бесшумно. Ни один камень не оторвался и не соскользнул в пропасть. Узкая тропа шла между нависающими над тропой скалами и бездонной пропастью. Спины у молодых воинов от волнений взмокли. Порой казалось, что неминуемая гибель настигнет ездока в бездонной пропасти. Отряд медленно поднимался к вершинам Алтайских гор. В открывшихся ущельях шумели горные реки, от которых тянуло прохладой и свежестью воды. Утомлённые опасностями путники страдали от жажды. Солнце прошло своё полуденное стояние, а они всё продолжали свой путь.

Вечерело. Карчага, ехавший впереди отряда, вновь соскользнул с лошади и припал к каменистому выступу. Вновь он стал частью каменной глыбы, застыв на мгновение, обхватив камень руками. Все остановились в нервном ожидании слов алтайца.

– Что, Карчага? – не вытерпел Тихон, негромко обратившись к алтайцу.

Тот сделал рукой жест, приказывающий не нарушать наступившую тишину.

– Всё хорошо, хозяин! – промолвил проводник. – Всадники, следовавшие за нами, потеряли наш след. Обогнём вот тот выступ, там будет небольшая долина, где и устроим себе ночлег.

Вновь отряд продолжил свой путь.

Вскоре перед всадниками открылась небольшая долина, которая разлилась в горном ущелье. Как только тропа вышла на рассыпанные по долине небольшие камни, их взору предстали странные сооружения. Это были огромные камни, выложенные кругом. Несомненно, что эти сооружения являлись творением человеческих рук.

– Что это, Карчага? – с нескрываемым интересом обратился к алтайцу Тихон?

– Захоронения шаманов! Это их долина, – тихо ответил Карчага, – они слышат голоса духов, их нельзя беспокоить. Если встать в центре каменного круга, то неминуемо наступит смерть. Она затянет в Царство Тьмы, словно закружит в вихре и поглотит пришельца.

– А вот я сейчас испытаю! – громко, спрыгнув с лошади на землю, неожиданно для всех бросил Иван и быстро достиг ближайшего каменного круга.

Обернувшись лицом к своим друзьям, которые даже не успели ответить своему юноше, он встал, распахнув руки в разные стороны. Вдруг лицо его исказил внезапный испуг.

– Братцы! Братцы! Меня кто-то тянет в землю! Карчага, помоги!

Не успел он крикнуть, как алтаец уже оказался рядом и с силой вытолкнул Ивана из каменного круга. Потом, закрыв глаза, обернувшись к заходящему солнцу, он что-то стал говорить на родном наречии. Это даже нельзя было назвать говором, что-то среднее между пением и причитанием. Всадники застыли от неожиданности увиденного. Ваньша повалился без сил на землю. Через некоторое время Карчага вышел из заколдованного круга. Он подошёл к лежащему на земле Ивану, поднял его голову и резким движением встряхнул её. Юноша открыл глаза.

– Что это было? Что со мной произошло? – словно просыпаясь, обращаясь к алтайцу с волнением в голосе, спросил он.

– Ты побеспокоил дух шамана! Этого делать нельзя. Это может делать только другой шаман. Он вызывает духов и просит их о помощи. Духи везде: духи рек, гор, земли, неба, огня. Духи могут быть жестоки! Духов нельзя беспокоить понапрасну. Они могут наказать тебя. Сегодня меня понял дух Хозяина, Дух Алтая, и пощадил тебя. Впредь будь осторожен.

С этими словами Карчага поднялся.

– Надо готовиться к ночлегу. Скоро солнце упадёт за гору в следующее ущелье, станет быстро темно. Разведём огонь и приготовим еду. Завтра предстоит нелёгкая дорога.

Утомлённые за день юноши после сытной еды быстро и крепко уснули.

* * *

Карчага, набрав хвороста и сушняка в окружающем небольшую долину лесу, сидел возле разгоревшегося костра. Ночью тянувший с гор холодный ветерок-тягун был опасен. Незаметно он подкрадывался к спящему человеку и пронизывал его: пробирал все косточки, каждую мышцу, заполнял грудь. Утром путник просыпался уже нездоровым, хрипело в груди, ныли натруженные дорогой ноги. Камень забирал силу человека за одну ночь.

Алтаец поддерживал огонь в костре, сохранявший необходимое тепло, пил горький отвар, заваренный на травах. Это горячее зелье придавало силы. Оно было известно алтайским воинам, охотникам, промысловикам. Медленно отпивая по небольшому глотку, прикрыв глаза, Карчага вслушивался в опустившуюся ночную тишину.

Алтай дышал ночной свежестью. Яркая луна освещала вершины старых гор и макушки могучих кедров и елей. Они, словно застывшие стражи, охраняли покой горного ущелья. Пасущиеся невдалеке лошади изредка негромко всхрапывали. Сюда не стремился смертный человек. Его народ оставил эту землю шаманам, которые приходили сюда для разговора с духами. Отсюда они уходили в царство Ночи. Карчага привёл сюда молодых русских воинов, зная, что не встретит здесь иного человека. Далёкие от маленькой Земли звёзды разбрасывали своё холодное сияние. Алтаец открыл глаза и устремил свой взор к небу.

– Завтра будет солнце! Спасибо тебе, Дух Светила, за твою щедрость к маленькому человеку, – произнёс алтаец.

– Карчага, ты почему не ложишься? – раздался неожиданный голос Тихона.

– А ты, хозяин, почему не спишь? – ответил удивлённый алтаец.

– Не могу уснуть. Сколько дней нам ещё идти? Ведь напрямки до Белоярской крепости на лошадях день ходу! А мы вроде в обратную сторону путь держим? Так, Карчага?

– Да, Хозяин. Горные тропы извилисты, завтра пополудни повернём к реке. А не сплю потому, что зашли мы туда, куда человек не должен ступать. Здесь царство Духов, вот я и прошу их, чтобы они не гневались на нас и пропустили через свою землю.

– Карчага, всё хотел тебя спросить, почему ты ушёл из своего племени и служишь нам, православным? Ты так хранишь устои своего народа, а живёшь с нами, с русскими? Почему?

– Сложный вопрос ты задал мне. Не знаю, поймёшь ли, молод ты! Вот послушай. Земля моя древняя и включает в себе несметные богатства! Много золота и сверкающих камней в земле Алтая, но не даёт она его людям, которые не слышат его Духа. Чужие люди, алчущие богатств Алтая, пришли на нашу землю. И началась битва за свет, добро и красоту. Много витязей погибло, защищая Алтай. Видел одинокие большие камни, которые стояли возле горных троп, ручьёв, в лесу?

– Да, не раз такие великаны встречались нам в пути! – удивлённо ответил юноша.

– Камни – застывшие витязи! Там, у реки Госпожи мы ещё встретим их. Народ мой древний, поклоняется духам, дарящим ему жизнь. Но духов так много! И нет самого могущественного Духа, который бы сумел объединить всех, чтобы победить пришедшее зло! И народ мой разъединён. Каждая семья живёт своей жизнью. Вот так и настигла стрела смерти, выпущенная джунгариним, мою семью. Что мне делать? Подумал я. Вы пришли на наши земли не с войной, а с миром. Дух ваш не алчет золота и камней самоцветных. Вы защищаете нашу землю, землю Алтая, от ненасытных племён чужеземцев. С вами свет! А воины-чужеземцы несут зло, разоряя и убивая мой народ. Я хочу победить Тьму!

– Спасибо тебе, Карчага! Верно, не ошибся в тебе тятя!

– Спи, хозяин! Путь ещё долог. Карчага обещал большому хозяину вернуть тебя невредимым. Карчага сделает это! А теперь спи! Скоро солнце начнёт новый день. Силы тебе нужны будут! А Карчага будет просить духов, чтобы послали нам удачу.

– Хорошо, Карчага! Буду спать!

Тихон опустил на высланные ветви елей, и могучий сон поглотил юношу.

* * *

Предрассветные сумерки растаяли с появлением первых солнечных лучей. Вернее, ещё до солнечного сияния облака, которые не были видны на небосводе из-за стелящегося густого тумана, неожиданно обрели розовый цвет. Их внезапное появление над лесистыми вершинами гор подарило надежду на зарождающийся тёплый солнечный день. Из нежно-розовых, воздушных и невесомых облака обретали всё более яркие оттенки сиреневого, малинового цветов, принимая конкретные очертания и формы.

В одно мгновение солнце ярким и огромным шаром выкатилось из-за горных вершин, осветив своим заревом макушки зелёных пушистых и стройных елей, ветвистых лиственниц. Солнечное сияние разлилось по горным склонам, озарив, казалось, неприступные вершины гор. Лёгкий ветерок, приветствуя начинающийся день, прикоснулся к листьям деревьев, заставив их взволнованно трепетать на восходящем ярком солнце.

Природа, понимая предстоящую зимнюю тоску по ярким краскам, взмахом кисти великого художника подарила это мгновение буйства цвета, первозданную свежесть летнего утра, аромат лесных трав, бесконечную голубизну неба и великолепие Алтайских гор.

Невдалеке от места ночлега путников мирно паслись могучие яки, спустившиеся ночью с поросших лесом гор. Птичьи трели, беззаботное многоголосье слышалось со всех сторон. Всё ликовало! Лесные птицы летали, кружились и пели, а из-за вершин гор поднималось солнце. Гимн жизни начинающегося нового дня встретил ратников.

* * *

– Карчага, почто не разбудил нас? – ещё не проснувшись голосом громко воскликнул Ваньша. – Солнце поднялось выше гор!

– Молоды вы, чтобы сила была, нужны вам сон да пища. Вот питьё приготовил, силы даёт, выносливости и сон отгоняет. Да вот на охоту сходил, птицу Дух Гор мне позволил взять. Мясо и травы ой как сейчас нужны, – пододвигая к юношам жаренную на костре птицу и котелок с ароматным зельем, продолжал рассуждать алтаец, – теперь только с уходом солнца кушать получится.

– Нам Степанида тоже знатную стряпню приготовила в дорогу, – опустошая короб от снеди, промолвил Тимофей.

Расстелив тряпицу, они приступили к походной трапезе.

– Вот это снадобье! – удивился Федул, отхлёбывая приготовленное алтайцем питьё. – Прямо так и привалила силушка, кажись, с ратью готов сразиться!

– Дорогой будем прикладываться к сосуду с чудодейственным отваром. Зелье нужную службу нам окажет. Человек, испивший из сосуда питьё, не устаёт, становится бесстрашен и вынослив. Мой народ издавна знает этот травяной отвар. Но часто пить его нельзя. Иначе злую шутку с человеком сыграет, ума его лишит, а безрассудством заполнит голову.

– Сколь нового мы узнали, Карчага, о твоём народе! – с удивлением воскликнул Иван. – Я после могилы колдуна во всё верить готов! Страсти-то какие! Упаси, Господи!

После сытной трапезы ратники оседлали лошадей и двинулись в путь. Никакой тропы, даже мало-мальски заметной, не было.

– Карчага, почто следа никакого нет? – удивляясь, обратился с вопросом к провожатому Федул.

– Так ведь не ступает сюда нога человеческая. Никто долину не покидает. Заповедная она! Путь в Царство Тьмы открывает пришедшему сюда шаману.

– А не накликаем ли мы беды, ступив в это ущелье? Во что хошь теперича можно поверить!

– Карчага всю ночь разговаривал с Духом долины, просил помощи. Будем дальше путь держать. Тропы нет. Но приходил я сюда с отцом своим, мал ещё совсем был, но всё помню, тропу тоже. Спускаться с гор трудно, тихо надо, чтобы камень не сдвинулся, медленно будем идти. Молчать надо, горы тишину любят.

Карчага вновь припал к каменистой земле, вслушиваясь, прикрыв глаза, он слился с нею, будто растворился. Всадники, уже понимавшие поведение алтайца, придержали лошадей. Прошло какое-то время, и он ловко поднялся с колен.

– Навстречу нам движутся воины. Надо подготовиться к встрече, – спокойным голосом обратился он к Тихону.

– Бой примем! Не стушумся! И не свернём с пути!!! – прозвучал громкий клич молодых воинов.

Карчага жестом руки подал знак молчания!

– Горы не любят громкий голос!

Он застыл на месте и стал вслушиваться в таёжный разговор деревьев, в шелест трав и редкий взмах крыла лесной птицы.

– Они уже близко, – перейдя на тихий шёпот, произнёс Карчага, – надо отогнать лошадей вон за тот камень, что, словно скала, навис над тропой. Встать против ветра так, чтобы их лошади не почуяли запаха чужих лошадей. Тихон и Ваня, сделайте это вы. А мы с Федулом заляжем здесь, нас не будет видно, воины верхом пойдут. Ни слова больше!

Спешив лошадей, Тихон и Иван направились в указанное алтайцем место. Карчага с Федулом залегли за выступающие одревенелые корни таёжных деревьев. Они, словно невиданные змеи, переплетаясь, покрывали всю землю. Карчага велел присыпать своё тело травой.

Наступила тревожная тишина. Лесная чащоба казалась необитаемой. Ничто не тревожило лесной мир. Но вот вскрикнула какая-то птица! Ещё одна, ещё... Карчага жестом руки дал знак, что нужно плотно прижаться к земле.

* * *

На каменистой узкой, еле заметной тропе показались пять всадников. Это были чужеземные воины. Большие луки и длинные стрелы в прикрепленных к стремени лошадей колчанах составляли их вооружение. Несмотря на летний день, который был достаточно прохладным в горах, поросших таёжным лесом, на головах у них были лисьи шапки. Они ехали молча, лошади осторожно ступали на каменистую землю. Один из них, поравнявшись с нависшей над тропой каменистой скалой, за которой схоронился с лошадьми Тихон, ловко соскользнул с лошади и застыл, вслушиваясь в лесную тишину. У Федула так громко застучало в груди, что, казалось, чужеземец услышит этот гул. Простояв так какое-то мгновение, джунгарин подал знак рукой о продолжении движения небольшого отряда. Воины продолжили свой путь.

Всего какой-то миг наблюдали из своих укрытий за происходящим Тихон со своими товарищами, однако каждому показалось, что прошло немало времени, что вот ещё мгновение, и они кинутся в бой с чужеземцами. Однако силами Господа они остались не раскрытыми и не замеченными вражеским дозором.

Как только всадники скрылись из виду, Карчага высоко поднял руку, давая команду о том, что все должны оставаться на своих местах и не двигаться. Прошло немало времени в неподвижном ожидании. Все понимали, что не только алтаец, но и джунгары умеют слушать горы, поэтому ждали сигнала от алтайца о продолжении движения. Время тянулось медленно. Но вот Карчага поднялся и подал сигнал сбора для продолжения пути.

Спуск по горной тропе был продолжен.

– Чем ближе мы будем к реке, тем чаще надо быть готовыми к встрече с джунгарами. Оденьте свои кольчужки, – обратился к юным русичам алтаец, – скоро будет небольшой привал.

Испив снадобья и пододев защитные рубашки, путники продолжили горный спуск. К полудню стал слышен шум горной реки, а вскоре показалась и сама Катунь.

– Господи, до чего же красива эта река! Бирюзовый сверкающий поток! А какая свежесть и прохлада! – с восхищением воскликнул Иван.

– Гордая и своенравная наша Госпожа! Гляди, заморозит – не заметишь, как попадёшь в руки чужеземцу, как вонзит он смертельную стрелу в твою грудь. А соскользнёшь с каменного выступа, не пощадит, накроет своими студёными водами, и не выбраться зазевавшемуся страннику. Вода её стекает с горных вершин Алтая, она всегда сохраняет холод нетающих льдов! Испить из неё разгорячённому жгучим солнцем путнику нельзя. Будем и мы пить припасённый отвар, – упреждающе промолвил Карчага, – река становится всё шире, течение её будет более спокойным. Когда на смену бурлящим перекатам Катунь, спешащей к своему возлюбленному Бию, придёт мерное течение, то вскоре мы достигнем места соединения своих вод возлюбленными, тут и появится река Обь, как вы, русские, называли эту реку. На крутом берегу будет крепость Белоярская.

– Знаю этот путь! Нам открыла его эта река. Моя семья шла по берегу белой реки. Было это ранней осенью. Вышли в ту долину, где и появилась вскоре наша деревня. А сейчас Катунь в летнем бирюзовом сиянии! Избаловал её Хан-отец! Вишь, как меняет наряды! – вмешался в разговор Тихон.

Спешив лошадей, утомлённые путники заспешили к струящейся и звенящей реке.

Присев на небольшой валун и освежив струящейся холодной водой утомлённое лицо, Тихон погрузил руки в ледяную воду Катуня. Юноша залюбовался невероятной синевой горной реки.

– Карчага, а что это за каменная гряда перекрыла течение реки? – всмотревшись в убегающую вдаль реку, обратился он к алтайцу.

– Здесь шла битва между Светом и Тьмою. Огромный Дракон напал на мой народ. Неминуемая гибель грозила людям Алтая. Но пришёл Витязь, сын Алтая, и победил Тьму! Несколько дней и ночей шла битва. Могучим и сильным был Дракон. Но Витязь занёс свой тяжёлый и огромный меч и срубил голову Зверя. Открыл уже мёртвый Дракон свою бездонную пасть, изверг до неба столб огня, и упала срубленная голова в воду, склонив её перед Госпожой. А зубы страшного Чудовища рассыпались по воде и окаменели. Вот с тех пор и называют эту гряду камней Зубами Дракона. Но и Витязь отдал в этом бою свои последние жизненные силы. Видишь ту скалу, что стоит у самого берега реки? – показывая вдаль, обратился с вопросом алтаец к Тихону, – это он. Отдал свою жизнь и окаменел навечно! Так говорят наши старики. Многочисленное количество раз посылали силы Тьмы испытания моему народу. Но каждый раз сыны Алтая, непобедимые Витязи, спасали его. Окаменев, они и сейчас стоят на страже и охраняют Свет.

– Да, Карчага! Твой народ мудр! Да пошлёт ему Господь благодать!

– Твой Господь, русич, щедр. Он поддерживает слабых, обездоленных, даёт им силы и надежду. Твой Бог справедлив. Он защитит и мой народ! Я верю в это! Тихон, пора готовиться к ночлегу. От реки надо немного подняться вверх. Ночь будет тревожной, из-за шума реки можно не услышать приближение врага. Выставь караул, поделив ночное время между нами. Завтра ещё до полудня придём в крепость.

Наступила ночь.

* * *

Матвей Афанасьевич, проводив сына в опасную дорогу, долго не мог успокоиться.

– Удастся ли Тихону достичь укрепления? Защити его, Господи! Не дай сгинуть в пути, помоги ему в делах его нелёгких! – нашёптывал он, совершая утренний молебен. Одно успокаивало и вселяло надежду – это то, что вместе с юнцами опытный и преданный алтаец, Карчага.

Подшло время проведения заутренней службы. В молельный дом пришла вся община селян. Матвей понимал, что люди ждут от него слов поддержки и успокоения. Каждый день они страшились очередного набега воинственных племён. И кто знает, останется ли каждый из них жив, не угонит ли его или сородичей инородец в чужой край. А там – неизвестность или того хуже – рабство до самой смерти. Глаза селян, устремлённые на старосту, вопрошали и ждали ответа.

– Отправил я сына своего, Тихона, с небольшим отрядом в Белоярскую крепость за государевой подмогой. Должён вертаться дён через пять-шесть. Будем ждать его с хорошими вестями, – обратился Матвей Афанасьевич к общинникам.

– А что, коли его царские служники в цепи заковают, да в Москву на дыбу?

– Неможно! Государь крепости воздвигает, укрепсооружения, чтобы защищать хлебопашцев. И нас защитит государь! То, что веру храним православную, это не помеха в крестьянском деле. Мы с вами землю сибирскую приучаем хлебушек растить, вот это должен видеть государь! Так тому и быть!

– Да, ты прав, отче! Будем ждать подмогу!

Люди стали расходиться. Начинался новый летний день, наполненный нелёгким крестьянским трудом.

Как только Матвей вернулся в свою избу, его уже поджидал взволнованный Тимофей Акинфиевич, вернувшийся из ночного дозора.

– Матвей Афанасьевич, нехорошие я вести тебе принёс, – с волнением посмотрел казак на своего спасителя.

– Говори, мил друг, что знаешь, что видел, чем враг грозит люду нашему? Не томи уже душу, и так в волнении нахожусь!

– Собирает джунгарин своё войско. Думаю, что к нападению готовится. Дозоры-то его недавно нас давеча здесь обнаружили, так теперь наворсе разор чинить готовятся да пленить нас хотят! Уходить надо в леса! И времени нельзя! Близок джунгарин, день пути!

– Что предлагаешь, Тимофей?

– Надобно по-быстрому людей собрать! Пушай берут с собой всё, что могут взять, телеги нагружают, скот, птицу какую в клетку – и с собой! Времени мало! Спешно всё делать надобно!

– Побросать дома, огороды, землю возделанную? Оставить всё на разор?

– Матвей Афанасьевич! Людей спасать надобно! Пусть сынок твой Антип да ещё два-три мужика людей уводят, а мы отряд собьём и засаду вражьему племени учиним. Я место присмотрел, не минует его вражье отродье! Ударим внезапно с двух сторон, может, и повернёт он! Здесь нам его не сдержать... Собирай людей, Матвей Афанасьевич!

– Хорошо, сейчас ударю в сборный гонг.

Матвей заспешил вновь к молельному дому, возле которого и был воздвигнут на столбе сборный гонг. Выходя из избы, велел Степаниде звать сына. Раскатистый сигнал возгласил о сборе общинников. Разлился тревожный призыв по селу и прилегающей окрестности. Люди, почуяв недоброе, оставив полевые работы и другие домашние дела, заспешили к месту сбора.

* * *

Ожидая Антипа, Матвей Афанасьевич волновался. Так было всегда после смерти незабвенной Елизаветы Фёдоровны. Старший сын капля в каплю походил на любимую супругу. Светлый лицом, улыбчивый, тихий и ласковый. Его волосы вились густыми русыми кудрями и опускались до самых плеч, а серые глаза искрились радостью. Средний рост подчёркивал хрупкость фигуры. Весь облик Антипа излучал нежность, и, глядя на него, Матвею всегда хотелось защитить сына от невзгод и тягости жизни. Но, несмотря на кажущуюся слабость, старший сын имел мужественный характер и крепкую волю. Всегда, когда Матвей оставался наедине с Антипом, он ощущал присутствие Лизаветы Фёдоровны. Это будто она, Лизонька, смотрела глазами сына на него.

– Лизонька, Лизонька! Не угасает тоска по тебе! Не может время стереть нашу любовь! – сокрушался Матвей Афанасьевич.

Вспоминалось ему, как будто бы совсем недавно, ещё в Северной стороншке, в большом родительском доме Зыковых, батюшка объявил о его женитьбе. Это не было неожиданностью. Но молодые были едва знакомы. Однако, увидев юную Лизоньку, Матюша потерял покой.

Его поразили красивые серые глаза юной девушки, окаймлённые чёрными ресницами. Они излучали безмятежную радость и тепло, веру в бесконечное счастье, которое вдруг неожиданно для неё самой открылось ей. Волнистые русые волосы строго зачёсаны на прямой пробор, тяжёлая коса падала на плечо. Лизавете в ту пору было шестнадцать годков. Она смущалась за свадебным столом, как и положено было невесте.

– Горько! Горько! Горько! – бесчисленное количество раз выкрикивали гости.

– Совет да любовь молодым! За здоровье молодых! – несло со всех сторон.

Лиза пылала от стеснения каждый раз, как только приходилось целоваться с Матвеем. Он же бережно брал её за плечи, целовал степенно, не торопясь. Неделю гудела свадьба. Шесть троек запрягали в сани. Упряжь украшена свадебными бубенцами. Колокольцы, звеня при каж-

дом движении лошадей, издавали разливистую мелодию. Лиза, уставшая за дни непрекращающихся застолий, ждала катания на тройках, как спасения. И вот гости, изрядно подпитые, разгорячённые жаром печей и выпитыми напитками, заваливались в сани. Прижимаясь к Матвею, Лизонька тихонечко шепчет:

– Матюша! Как же я устала!

– Ну что ты, Лизонька, это же раз в жизни бывает! Потерпи! – мягким голосом поддерживал молодую жену Матвей.

И вновь разносились крики в адрес молодых. Они улыбались гостям, благодарственно кивали им и целовались в ответ на их возгласы и призывы.

Жизнь текла, словно река. Родился Антип, а вскоре и Тиша. Красота Лизоньки распустилась, словно вешний цветок. И счастьем, казалось, не будет конца...

Матвей Афанасьевич, открыл глаза, словно очнулся от ночного дурманящего сна.

– Нет тебя, Лизонька! Горлица моя светлоокая!

Мужчина смахнул внезапно набежавшую слезу.

– Не след Антипу показывать себя ослабевшим. Вот, Лизонька, и сынок наш, Антипушка, подоспел, – промолвил Матвей, глядя на входящего в дом старшего сына.

* * *

Антип с волнением вошёл в отцовскую избу. Его уже поджидал Тимофей. Обсказав про угрожавшую опасность, они заспешили к месту сбора. Там, на большой поляне, Матвей Афанасьевич рассказывал людям о нагрянувшей опасности. Собравшиеся не суетились. Выслушав старосту и настоятеля общины, а также слова Тимофея Акинфиевича об организации отряда, они разошлись по домам с тем, чтобы уже вернуться к назначенному часу к месту сбора за поскотиной с гружённым в телеги домашним скарбом.

– Вот, сынок, тебе нелёгкую задачу ставлю! Надобно укрыть людей в лесу, поднимайтесь в горы, насколько сможете. Встанете лагерем и ждите от нас гонца. Ожидать не более суток! Ежели не будет его, трогайтесь обозом, идите в Белоярскую крепость. Труден путь! Да делать нечего! Может быть, Тихон со служивыми подоспеет.

– Тятя, – обратился к отцу взволнованный Антипий, – а как и там нас опасность ждёт? Постреляют нас... Сгинем от царской милости!

– Не должно, сынок, такому быть! Говорил уже! Да и Тихон сегодня тама должён быть! Другого пути у нас нет! Здесь токмо погибель верная! Не устоять нам супротив иноверцев! Поспешай, сынок, с Богом! Обязательно свидимся!

После сказанных отцом слов Антип заспешил в дом собирать своё семейство.

– Тимофей Акинфиевич, командуй отрядом, будем устраивать засадное место врагу! Мужики уже подошли!

– Да! Да! Поспешать и нам надобно!

За поскотиной собрались общинники. Не слышалось бабьих причитаний, панических выкриков. Лица селян суровы. На подводах с нагруженным скарбом жались жёнки и детишки. Все ждали команды. Подошедшие Матвей и Тимофей осмотрели вооружение крестьян. Приученные к выживанию, опасности и угрозам, люди поддели кольчужки, колчаны были полны стрел, некоторые имели и огнестрельное оружие. Бывалый казак остался доволен беглым осмотром дружинников.

– А что! Повоюем, мужики? – обратился он к собравшимся.

– Да нечто не прогоним супостата? Нам ведь не впервой! Всякого насмотрелись в пути до Беловодья! А уж за эту землю-матушку повоюем!

– Седлай лошадей! В дорогу, дружиннички!

Жёны, матери и сёстры, стоявшие возле своего отца или сына, или брата, крестясь, отпустили своих мужчин в этот опасный бой! Не было слёз! Была тревога...

Обозники тронулись. Антип вместе с двумя помощниками ехал впереди. Растянувшиеся длинной лентой телеги поползли в поросшие лесом горы. Глаза женщин были устремлены на покинутые жилища... Все понимали, что сюда они уже больше не вернутся.

* * *

Через пару часов пути по горной дороге отряд общинной дружины достиг узкого горного ущелья. Между небольшой, но совершенно отвесной горной стеной и пропастью с шумящей внизу Катунью вилась горная тропа. Место было настолько узким, что больше чем два всадника по ней одновременно проехать не могли. Солнце ещё только начало свой дневной круг, жары не было, от реки веяло прохладой и свежестью. Всадники спешили коней.

– Вот здесь мы и встретим супостата! – обращаясь к Матвею Афанасьевичу, обронил Тимофей, – этого места вражьему отродью не миновать.

В его голосе слышались решительность и нетерпение.

– Займём позицию на скале и внезапно ударим с вершины. Джунгарину некуда будет деваться. Камушков на них обрушим. Всё надобно делать молниеносно, по моей команде. А потом грянем на их головы ружейными залпами и стрелами. Может, и повернёт враг.

– Тимофей, джунгарин тоже знает об опасности этого участка дороги! Приготовится. Бог его знает, что он может сотворить. Не думаю, что всё так гладко у нас получится. Да, деваться некуда! Командуй! – поделился своими сомнениями Матвей.

Мужики заняли позиции, указанные Тимофеем Акинфиевым. Они притаились за камнями на небольшой площадке на вершине скалы, оставив лошадей неподалёку в неглубокой впадине. Несколько человек поднялись ещё выше по крутой тропе. Им велено было приготовить огромные валуны, чтобы затем в нужный момент столкнуть их на головы войску джунгарскому. Когда приготовления закончились, солнце стояло уже в зените.

– Смотри, Матвей, солнце нам тоже в подмогу, как раз будет глаза слепить вражеским всадникам! Катунь шумит, сгладит все шорохи нашего присутствия.

– Думаю, что ждать осталось немного! – с волнением в голосе отозвался Матвей.

Действительно, через какое-то мгновение на дороге появился небольшой отряд джунгар. Двигались они до того бесшумно, что если бы не лежали дружинники в засаде и не устремляли свои взоры в сторону ожидаемого врага, то и не заметили бы его приближения.

– Тимофей! Это дозор! Что делать будем? – тихо обратился Матвей Афанасьевич к казаку.

– Энтих пропустим! Пушай дадут сигнал войску, что дорога открыта. А там и обрушимся на основные силы. Всё по моему сигналу!

– Думаешь, они потом вертаются?

– Да куда им деться-то! С десятков всадников всего! Вернутся!

Ничто не нарушило лесной тишины. Напряжение у дружинников нарастало. Все ждали сигнала.

Между тем всадники поравнялись со скалой, на вершине которой был сосредоточен отряд. Здесь дорога сужалась и превращалась в узкую тропу. Всадники остановились. Двое из них, сойдя с лошадей на землю, подошли к обрыву, изогнувшись, они стали просматривать русло реки. Удостоверившись в том, что внизу нет русских воинов, они продолжили свой путь, часто останавливаясь и вслушиваясь в лесные шорохи и шум реки. Дружинники напряжённо всматривались в джунгарских всадников. Казалось, этот поединок между воинами на сдержанность и выдержку не закончится никогда. Наконец, отряд джунгар скрылся из виду. Дружинники продолжали сохранять свою неподвижность, ничто не выдавало их присутствия.

Прошло ещё какое-то время. И вот откуда-то сверху послышался боевой сигнал походного рожка. Джунгарский дозор давал условленный знак.

– Что это значит? Тимофей? – с нескрываемым волнением спросил Матвей Афанасьевич.

– Да кто ж его знает! Сейчас будет видно. Думаю, уговорённый сигнал дают, что дорога свободна. Ежели так, то сейчас сила вражья пойдёт. Бой начнём! А вот и они... – прижавшись ещё плотнее к земле, молвил казак.

На горной дороге показались всадники. Они двигались так же бесшумно, как и проследовал вражий дозор. В том, как, припав к коням, будучи готовыми к атаке врага, сидели джунгарские воины, стала очевидной их готовность вступить в бой. Ни о какой внезапности речи не могло и быть. Враг был готов отразить любой удар. Поднятые пики с железными наконечниками, натянутые луки, готовые в любую секунду вонзить стрелы в тело врага, кожаные доспехи – всё говорило о готовности джунгарского воинства вступить в бой. Растянувшись длинной серой лентой, войско приближалось к месту засады, уготовленной русской дружиной. Вот уже первые всадники подошли к занятой дружинниками скале.

– Тимофей, пора начинать! – нервно обратился Матвей к лежавшему рядом казаку.

– Ещё немного! Пусть какая-то часть пройдёт. Разорвём их! – так же нервно ответил Тимофей. – Теперь пора!

Раздался громкий призыв:

– В бой! Бей вражью нечисть! Бей!

Тут же с вершины скалы на дорогу с грохотом обрушились камни. Грянул залп! Попавшие под удар джунгарские всадники, увлечённые каменным потоком, вместе с лошадьми рухнули в пропасть. Сохранявших строй джунгар настигли пули. Всё произошло молниеносно, казалось, что успех ждал русских воинов.

* * *

Но что же произошло? Джунгары, не попавшие под камни, повернули своих лошадей назад! А те, что уже миновали занятую русскими скалу, оторвались и последовали вперёд за недавно прошедшим дозором. В мгновение ока дорога оказалась пустой!

– Мы остановили их! Остановили! – раздалась радостные возгласы общинников.

Многие из них бросили свои укрытия и устремились на очищенную от врага дорогу. Они ликовали! Они защитили свою землю и свой дом!

Тимофей не успел бросить ликующим людям новой команды. И тут с высоких гор на дружинников обрушился поток вражеских стрел. А по дороге быстро приближались всадники, которые тоже пустили стрелы на растерявшихся общинников. Русские воины оказались окружёнными. Прошедший ранее джунгарский дозор, заметив в укрытии русских, поднялся в горы и зашёл к дружинникам с тыла, а основное войско устремилось по главной дороге. Матвей Афанасьевич представить себе не мог о столь коварном замысле врага. Он, как и Тимофей, даже не успел покинуть своё схоронное место.

– Обошли нас! Обошли, Тимофей! Что делать?

И тут Тимофей всем своим могучим телом навалился на Матвея Афанасьевича. Тот ничего не понял. Только когда осторожно двинул казака, увидел, что прямо в шею Тимофея вонзилась стрела.

– Тимофей, Тимофей Акинфиев! Жив? – Он приподнял голову своего друга и советчика. – Что же ты молчишь, Тимоша?

– Нет, Афанасий, мил друг! Уже мёртв! – Из рта раненого казака пошла кровавая пена.

– Зачем же ты сделал это, друг ты мой сердечный?

– Уходить всем надо! Быстро уходите в горы! Идите к нашим обозникам! Спасай людей, Матвей Афанасьевич, не лишай семей отцов, а матерей сыновей! Уходите! – Последнее слово Тимофей уже не договорил. Губы его замерли, а из открывшегося рта полилась алая кровь.

Будто отрешившись от развернувшегося боя, Матвей бережно опустил тело друга на каменистую землю. Очнувшись через мгновение, он встал.

– Общинники! Уходим в горы! – бросил он призыв в сражающиеся ряды дружинников.

Отряд, отбиваясь от наседавших джунгар и теряя сородичей, стал подниматься вверх. Вскочив на осёдланных лошадей, люди рванулись к лесу. Джунгары не стали их преследовать. Полчище устремилось в русское село, которое привлекало их доступной добычей. Солнце подошло к горным вершинам. Его красные лучи были последним отблеском на летнем небосклоне. Наступала ночь.

* * *

Горят огнями степь и холмы предгорья. Огненный поток кажется бесконечным в монгольской ночи. Костры, костры убегают в даль за линию горизонта. Ароматы варящегося в казанах и жарящегося на огне мяса расстилаются по всей округе. Дымы поднимаются над юртами, обогреваемыми огнём. Степь наполнена ржанием лошадей и возгласами людей. Айраты готовят своё боевое снаряжение.

Великая степь породила последнюю кочевую империю, способную на равных сражаться с сильнейшими государствами. Хунтайджи (великий вождь) Эрдени-Батур стремился расширить свои территории, которые достались ему от выдающегося отца Хара-Хулы. Многие народы платили хунтайджи ясак.

– Что будет с моим народом и с ханством, когда духи призовут меня к себе? Восемь сыновей от жён и наложниц имею я, но кто из них продолжит великие завоевания Джунгарии? – всё чаще раздумывал над своими сомнениями великий вождь Эрдени-Батур в минуты отдыха между очередными военными походами в новые земли.

Никогда ещё Джунгария не была так сильна, как при нём. Он, Эрдени-Батур, продолжил дело своего великого отца. Теперь надо и ему, хунтайджи, назначить преемника его делам.

– Только Сенге, третий сын, любимый сын, сможет это сделать! Он смел и ловок, сметлив! Его глаз зорок, а рука сильна! Но как поведут себя его братья, мои другие сыновья? Сможет ли Сенге объединить их? Или мой народ, айратов Великой степи, ждут страшные времена?

Не находя покоя в ночные часы от страшных хунтайджи Эрдени-Батура мыслей, великий хан предчувствовал обречённость своей великой империи. Ничто не могло успокоить Эрдени-Батура: ни красота русских наложниц, ни грация восточных красавиц, ни сладкие вина и захваченное у пленённых русских казаков огнестрельное оружие, ни новые победы и завоевания. Чем старше становился великий властитель, тем мрачнее становились его мысли.

– Русские всё больше оседают в Джунгарии! В предгорье старых Алтайских гор они воздвигли свои крепости. Их царь Петр I всячески поддерживает проникновение русских на земли Джунгарии. Это принимает формы государственной политики России. Славное джунгарское воинство уничтожает русские отряды, сжигает крепости, разоряет возникающие русские деревни, наводняет невольничьи рынки Китая русскими рабами. Но ничто не может остановить русичей! На месте исчезнувших поселений появляются новые и новые! Предстоит большая битва за Алтай!

Хунтайджи Эрдени-Батур дряхлел. Он видел, что сыновья, молодые и сильные, алчут власти, знатности и богатства. Каждый из них видел себя ханом! Сыновья ждали момента, когда тьма поглотит их старого отца.

– Истекло моё время! Великая степь, словно мать, готова принять меня в своё лоно. Момент настал. Завтра я назову наследника! Им станет Сенге!

Сенге – последний хан Джунгарской империи. Несмотря на сильных правителей и славную историю, после смерти последнего хана из династии Сенге в Джунгарию приходит упадок. Династическая междоусобная борьба за ханский титул, воинственная внешняя политика, постоянные военные походы и войны привели к гибели Джунгарии. Под натиском Цинской династии Китая Джунгарское ханство прекращает своё существование.

На протяжении более ста лет во главе Джунгарского ханства вставали сильнейшие. Каждый хан показал себя дальновидным политиком и опытным полководцем, внёс свой вклад в укрепление и расширение земель Джунгарии. Однако хватило десяти лет усобиц и интриг, чтобы такое сильное государство было уничтожено на пике своего могущества.

* * *

Карчага не спал. Алтаец пил припасённый травяной чай и курил трубку. Куревом он пользовался крайне редко. Такой случай наступил. Трубка с крепким табаком, как и волшебный чай, придавала сил и бодрости, а они ой как были нужны Карчаге в эти дни. Прежде чем закурить, алтаец с любовью погладил своей большой, корявой от суровости кочевой жизни рукой старую, выточенную когда-то ещё отцом, нехитроватую трубку с длинным курительным мундштуком. На лице алтайца засветилась тёплая улыбка, а в глазах вспыхнули искорки нежности.

Перед его глазами будто встали погибшие при набеге джунгар родители. Даже в горах были слышны крики матери и плач младших сестрёнок. Потом Карчага, как подобает по обычаю, провёл погребальный обряд над телами отца и матери, только трубка не была брошена в ритуальный огонь, оставшись с ним, но тел сестрёнок не нашёл. Их, совсем ещё маленьких девочек, джунгары забрали с собой.

Казалось, что трубка сохранила тепло отцовских рук, таких же корявых, как и у него самого. Вытащив из-за голенища кожаных сапог необычный малиновый кисет, расшитый блестящими камнями, набив трубку табаком, Карчага закурил. Лёгкий ароматный дымок, словно специальное благовонье, окутал его лицо. Богатый кисет, который не раз предлагали продать или обменять на что-нибудь сородичи, алтаец опустил на разложенную перед ним шкуру барана. Эта дорогая вещица тоже была частью его воспоминаний. Его зайсан (князь) подарил этот кожаный кисет в знак благодарности за спасённую алтайцем дочь, упавшую в стремительную горную реку. Тогда зайсан был ласков с Карчагой, но он не защитил его семью от алчного врага. Каждый раз, рассматривая малиновый мешочек, внутри него поднималась на зайсана злоба.

«Такие сородичи не защитят от чужеземцев их родную землю, их Алтай! Им ведь только богатство подавай! Люди для них почитай что рабы», – в очередной раз подумалось алтайцу.

Между тем с гор на землю опустилась летняя ночь. Тёмная, как бархатистое покрывало, мягкая и нежная, она опустила свой занавес. Наступивший покой сделал неслышимыми дыхание и шелест леса, течение своенравной Катунь. Природа, щедро дарившая яркими красками радость солнечного дня, царственно замерла. Земля, прогретая жарким светилом, отдавала накопившееся за день тепло. Парило. Воздух насыщен ароматом огромных сосен, которые, как стражи ночного покоя, отбрасывая чёрные тени, подошли к самому берегу реки. Ни дуновение игривого летнего ветерка, ни разноголосия лесных обитателей – ничто не тревожит торжественную тишину летней ночи. Благоухают лесные травы и незатейливые, неброские луговые цветы. Они наполняют медовым привкусом разливающееся повсюду умиротворение, добавляя в ночное пространство нежные оттенки щедрого сибирского лета. От близости реки воздух влажен. Водное течение словно замедлилось. Река, сливаясь со звёздным небом, таким же чёрным, как она, отражала чарующие своим серебристым холодом звёзды. Мерцающим ковром

она освещала ночное пространство. Яркая луна рассыпала своё свечение на горные вершины, макушки лесных великанов, заполняя горные долины и луга.

Костра всадники из предосторожности не развели. Карчага, подогнув по привычке ноги «калачом», сидел на бараньей шкуре, которая служила ему в кочевой жизни и тёплым одеялом, и мягким настилом для сна. На таких же шкурах спали Тихон с Иваном. Юноши, как и положено молодости, только испили травяного чая, так и упали в объятия сладостным сном. Первым на ночной дозор заступил не погодам крепкий, не обиженный силушкой Федул.

Какое-то непонятное волнение всё больше и больше овладевало алтайцем. Он вслушивался в ночную тишину, вдыхал её запахи, стараясь уловить малейшее движение, услышать полёт вспугнутой птицы. Ничто не нарушало наступившего покоя, едва уловимо журчали лёгкие переливы заснувшей Катунь. Алтаец звериным чутьём услышал приближение опасности.

Бесшумно, ловко и быстро он достиг дозорного места Федула. Тело юноши с отсечённой головой, истекая кровью, лежало перед ним.

«Уснул! Сморило! А враг настиг! Он даже не проснулся и не понял, что вражеский воин вонзил нож!» – запульсировало в голове алтайца.

Через несколько мгновений дружинники уже были на лошадях.

– Карчага! Как это могло произойти? Почему Федул не подал сигнала? – с волнением и болью воскликнул Тихон.

– Сон сморил его. Подошёл вражеский дозор. Джунгары умеют сохранять тишину, потому ничего не слышал Федул. Это Карчага виноват в смерти русского воина! Это мне надо было быть в дозоре! Но Душа его уже в царстве мёртвых! Нам надо спешить! Верно, дозорных было мало, не решились напасть на нас. Однако могут вернуться и пуститься за нами в погоню. Придётся тотчас продолжить путь в крепость.

Как ни горевали Тихон и Иван над скорбным земляным холмом, накрывшим навечно друга, но спешить было необходимо.

Глава третья. В Белоярской крепости

Чуть только солнечные лучи осветили вершины соснового бора, росшего по берегам великой Оби, всадники уже были у ворот Белоярской крепости. Всего четыре дня они находились в пути, но казалось, что с того момента, когда они простились с Матвеем Афанасьевичем, прошли недели. Массивные, вытесанные из сосновых брёвен, крепко сбитые, усиленные кованым железом и прочным затвором въездные ворота оказались запертыми. Однако с ближайшей сторожевой башни всадников тотчас окликнули.

– Эй! Кто там пожаловал? Чего надобно? Если что, стрелять буду!

– Мы в Белоярскую крепость за подмогой! – громко отозвался Тихон.

– Кому это подмога затребовалась? Кто такие, спрашиваю? – продолжил вести спрос сторожевой.

– Землепашцы мы, из Матвеева сельца! К атаману! Пусти! Спешить надобно!

– А пошто с вами иноземец? – вновь вопрошал сторожевой.

– Проводник наш! Карчагой кличут! Он с нами! Открывай же врата!

– Ишь чего захотел! Уж больно ты скорый! А подмога-то зачем?

– Ворог джунгарский разор чинит да изничтожить нас грозит! А у нас поля засеяны, огороды возделаны, скот на заливных лугах пасётся! Защиты просим у государева воинства! Пусти к атаману!

– Так нет его! Обьезжает с дружинниками сёла русские, охрану тама ставит!

– Вот и мы за энтим! Пущай давай!

Всё это время всадники стучали в большое воротное кольцо, досадуя на потерянное в объяснениях время.

– А ну, прекратите барабанить! Ишь, пускай их! А ежели вы посланы ворогом? Как же запустить-то вас?

Теряя всякое терпенье, Тихон гневно обрушился на сторожевого.

– Да ты что, нехристь? Сколько тебе можно говорить! Русские мы! Крестьянствуем тут! Давай старшего зови! Неча с тобой болоболить! Дурень ты эдакий!

– Старшего, старшего... – переходя на ворчание, бурча себе что-то под нос, сторожевой спустился по прилаженной лестнице вниз и зашпешил в крайнюю избу.

В ближнем к крепостной стене строении находилась казачья головная изба. Несмотря на ранний час, находящиеся в ней казаки бодрствовали. Открыв тяжёлые и скрипучие двери, сторожевой зашёл внутрь.

– Тамо у ворот всадники. Говорят, что пришли искать защиту от джунгар. Просят, чтоб их впустили. Что делать-то? Ведь атамана Масюты нет.

– Пущай! Тамо разберёмся! – ответил немолодой казак, сидевший за столом, занятый чисткой ствола тяжёлого огневого оружия.

– Ты, чё ль, за старшего, Елисей?

– Да, Масюта на меня крепость оставил. Давай сюда гостей незваных! Данила и Семён, со сторожевым отправляйтесь да гляньте на пожаловавших!

С этими словами два казака, сидевшие на лавках и тоже занятые проверкой боевого оружия, поспешили встать и быстро вместе со сторожевым вышли из дома. В считанные минуты они достигли ворот.

– Вы, что ли, старшего требуете? – поднявшись на сторожевую башню, обратился к пришельцам один из казаков.

Всадники уже спешили и в нетерпении стояли возле ворот.

– Да! Да! Пускай же скорее нас! Беда у нас! Беда! За подмогой пришли к вам!

Ворота, громко скрежетнув, открылись. В окружении казаков Тихон с товарищами вскоре вошли в главную избу, оставив лошадей у коновязи возле дома.

– Вот, Елисей, гости наши! – обратился один из них к сидевшему за столом казаку.

– Ну, что там у вас приключилось? – вступил в разговор казак, которого сторожевой назвал Елисеем.

Тихон с волнением рассказал об опасности, угрожавшей общинникам от алчного джунгарского воинства. Его слушали, не прерывая. Обо всём поведал юноша, кроме одного – кем были общинники. Гонимые и преследуемые царём староверы-беспоповцы вместо государевой милости могли быть «пожалованы» и царской дыбой. Помня наказ тяти, Тихон Матвеевич не спешил открываться казакам.

Елисей, уже выдавший виды казак, в бороде и на висках которого серебрился седой волос, подробно выспросил про тропы, которыми шли дружинники, про врага и потерю друга. Особо расспрашивал о сельце, о роде деятельности селян и об общине.

– Ну что ж, понятна ваша просьба. Надобно и нам подумать, а потом ответ дать. А вы покамест отдохните, путь ваш был не лёгок, присмотритесь к нашему укладу, а мы вас позовём.

– И долго вы тут думать будете? Ведь время дорого! Может, поганый джунгарин уж войском на селян идёт! – с негодованием воскликнул Тихон.

– Ишь ты какой нетерпеливец? А ты, сосунок, учить нас удумал! А ну, пошли вон! Семён! Проведи гостей к Митрию Савельевичу! Пуцай их тамо покормят да присмотрят за ними до решения нашего!

С этими словами казаки вытолкали Тихона с товарищами из избы. Пришлось смириться. Их привели в избу, расположенную в самом центре крепости.

* * *

Пока Тихон с товарищами в сопровождении казаков шли до избы Митрия, он заметил неожиданные для себя открытия. Людишек внутри крепости было немного, в основном крестьянского рода, встретилось несколько иноверцев. Но больше всего поразила небольшая церквушка. Она располагалась почти по центру поселения, срублена из хорошего красного леса, с тёмным окрашенным куполком, увенчанным строгим и простым восьмиконечным деревянным крестом и без алтарного выступа. Её вид напоминал молебельный дом родного сельца. Сомнений не было, перед Тихоном стоял храм старой, дониконовской, православной веры.

– Проходите, проходите, гостюшки! – поприветствовал зашедших в избу людей Дмитрий Савельевич, мужчина нестарый, но седой. Его окладистая борода придавала лицу суровость и строгость.

– Вот, Митрич, Елисей велел принять на постой этих молодцев, – объяснил появление непрошенных гостей один из сопровождающих казаков.

– Что же! Это можно! Можем и попотчевать! Здорово живёте! – обратился к незнакомцам старик.

Произнесённые слова смутили Тихона. Сказано это было в старых православных традициях.

– Спаси Христос! – также ответил Тихон.

– О, да вы из нашенских, истинно православных старой веры! – выразил своё удивление хозяин дома.

– Да и вы, Митрий Савельевич, однако, из таковских будете, – совсем успокоившись, продолжил диалог Тихон.

– Ну вот, встренулись, чалдоны проклятые! – нисколько не удивившись, скорее даже обрадовавшись, обронил казак. – Вы тут побалакайте меж собой, а мы до головной пойдём. Как понадобится, вас позовём.

Начавшийся диалог между Тихоном и Митрием Савельевым был схож на речь людей какой-то скрытой общины. Но между тем говорившие хорошо понимали друг друга. С уходом казаков, пригласив дружинников за стол почаёвничать, разговор пошёл ещё более доверительным.

– А чаши-то у вас с собой есть? – желая удостовериться ещё раз в своих непрощенных гостях, обратился к ним с вопросом Митрич.

– А как же! Вот они!

Юноши выставили на стол домашние чаши. У каждого общинника была своя едовая утварь, с которой он не расставался, будучи в гостях или в походе.

– Рад встрече с единоверцами! наших здесь много! Не бойсь! – став более открытым, продолжил разговор Митрий Савельевич.

– А как же царёво казачье войско? – удивлённо вопрошал Тихон.

– Ничего! Вместе государево тягло несём! Мало здесь казаков, а дел много на крепость возложено. Вот и примают они всех, кто готов землепашцев русских защищать и тем самым землю царю-батюшке прибавлять. Тута и староверы пригодились, беглый прочий люд и иноверцы есть. Вот и вам, я вижу, алтаец сгодился! Так что не бойсь, не тронут казаки! Вместе мы здесь держимся, церкву вот нашу поставили. Видали поди?

– Да! Хороший храм! Однако мы беспоповцы! К этому как отнесётесь?

– Да никак! И вашего брата среди нас хватает. Сказывал уже, вместе все держимся, иначе не выполнить государев указ о защите русских поселенцев. Вот так-то! Вы зачем пожаловали в крепость?

Вновь Тихону пришлось рассказать об алчущих и беспощадных джунгарах.

– Вот скажи, Митрий Савельев, сколь долго казаки думать будут над нашим вопросом? – закончил свой тревожный рассказ Тихон.

– Да наш атаман Иван Масюта с отрядом казаков охранную службу несёт, вернётся дён через шесть-семь. Но ты не бойсь, подмогу дадим! Неровён час, иначе гнев государев обрушить могём. Часок-другой про меж собой порешают, да и выступим в поход.

После непродолжительной беседы с хозяином дома вернулись казаки.

– Собирайтесь, гости! Решено немедля выступать к вашему Матвееву сельцу!

После сказанных слов Тихон с товарищами и казаками вновь заспешили к головной. Митрий Савельевич также присоединился к общинникам.

В головной избе набилось много служивых и прочего люда. Громкие возгласы встретили входивших.

– Ну, что, молодняк, давайте собирайтесь! Кто у вас за старшего будет? – обратился к Тихону Елисей.

– Я буду! Меня тятя послал к вам! Он староста общины нашей! – с волнением воскликнул Тихон.

– Так ты отряд поведёшь?

– Карчага поведёт нас! Ему можно верить! Он тропы знает.

– Сядайте в круг!

Елисей показал на свободную лавку, стоящую возле дверей.

– Ну что, казаки, в поход надобно собираться! Защиты просит русский человек от басурманского воинства! Думаю, что к полудню выступим. Хочу слова вашего слышать! О снаряжении потолковать надобно.

– Да что тут толковать! Мало нас, но оружия и пороху в достатке. Пару малых пушек надобно взять с тягловыми, боевого заряду побольше! Маловато нас только, без мужиков не обойтись, – первым в круге заговорил казак, что сидел рядом с Елисеем.

– Это не беда! – вступил Митрий Савельевич. – Елисей, будут мужики! Сколь надо?

– Десятка три, не меньше. Ружьишки есть?

– Есть, есть! Впервой, что ли, нам в походе бывать! Боеприпасами подмогнёте, больше ни в чём нет надобности. Я и сам с вами пойду!

– Нет, Митрич! Тебя как старосту общины оставлю на крепость до возвращения атамана Масюты. Дела крепостные ты знаешь, справишься! Обсуждать это не будем! Лучше помоги быстрее мужиков организовать, над харчем смекни, лошадей справных подбери. Давай, Митрич, иди, собирай мужиков!

Дмитрий Савельевич возражать не стал, слово атамана – закон! На том порядок в крепости держался. Старик заспешил, отбил поклон и вышел из избы.

– Сколь времени уйдёт на дорогу? Где пролегает? А то непонятно с пушками-то! Может, и не пройдут они? – обратился к Тихону один из молодых казаков.

– Если поспешать, то к утру можно выйти к селу! Ночи сейчас короткие и светлые, останавливаться не будем! Карчага, как пойдём?

Все посмотрели на сидевшего здесь же алтайца.

– Ну! Сказывай, что ли! – с недоверием в голосе обратился Елисей к алтайцу.

– Думаю, молодой хозяин прав! Если к полудню выйти, то на восходе солнца будем на месте. Пойдём основной дорогой на Катунь, а потом в горы поднимемся. Дозоры врага не посмеют напасть на отряд, пойдём открыто. Лошади пройдут, орудия тоже протянуть можно, только на горной тропе сложно. Пушки потянут лошадей вниз! Пешим придётся впрягаться.

– Не впервой! Справимся! – загудели казаки.

– Вражье отродье боится огонька оружейного! Подпалим им хвосты!

– Что, братцы, на всё про всё времени мало! Место сбора у въездных ворот! Пушкарки, отвечаете за готовность орудий да лошадей тягловых берите!

Изда быстро опустела. Казаки заспешили исполнять приказ атамана. Тихон с товарищами пошли к знакомой избе Дмитрия Савельевича. Хозяин был дома. Возле избы толпились собравшиеся мужики. У каждого были оружие, сумка с боеприпасами и заплечник. Тихон ещё раз подивился здешнему распорядку.

– Вот вам снедь походная, а то ведь поиздержались в пути! А отдыхать не придётся! – обратился к Тихону Митрич, подавая скарб.

– Мужики! Выступаем! – бросил клич Митрий Савельевич.

Собравшиеся двинулись к воротам. Там уже выстроились казаки, стояли телеги с пушками и ядрами, запряжённые лошади натягивали кожаные тяжи. Собравшийся отряд, человек пятьдесят, двинулся вперёд в открытые крепостные ворота.

* * *

За полночь оставшиеся в живых общинники присоединились к селянам. Их обоз расположился в неглубоком горном ущелье. Обозники не спали. Нёсший караульную службу дозор встретил остатки отряда. Многие погибли во вражеской засаде. Вой и причитания женщин о погибших защитниках заполнили всё ущелье.

Спешившись, дружинники подошли к сородичам. Антип Матвеевич, увидев отца, с волнением и тревогой бросился к нему.

– Общинники, – обратился к собравшимся Матвей Афанасьевич, – много сородичей погибло в схватке с поганим врагом! Простите вы меня! Не уберёт ваших отцов, мужей и сыновей! Осиротели мы с вами! Очаг свой покинули, оставив на разорение алчущему джунга-

рину! Пожгли наши дома нечистые! Нет больше сельца! Деваться нам некуда! Ворог, рыскающий лёгкую добычу, по следу нашему пойдёт! Матери и жёны, идти надобно немедля! Пока ночь укрывает нас, джунгарин не сдвинется. Братия и сестры, соберите всё своё мужество и силы! Во имя спасения детей наших должны мы двигаться к Белоярской крепости, не теряя времени. Будет нам подмога и спасение! Верую в это! Трогаемся, правоверные! Спустимся к реке, дорога там легче будет.

Притихшие общинники под всхлипывание осиротевших жёнок двинули гружёные телеги в непроглядную ночь. Факельщики, распределившись вдоль обозной ленты, освещали горную тропу. Яркая луна и сияние звёзд летнего ночного небосвода были в помощь страждущим.

Так шли они и шли. Мерно поскрипывали тележные колёса, в которых среди домашнего скарба спали ребятишки. Уже солнечный луч осветил макушки елей. Спустившись к реке, идти стало легче, не нужно было пешим вести лошадей за уздцы. Обоз двинулся быстрее. Матвей понимал, что единственным спасением селян будет встреча с отрядом казаков из крепости.

«Что, Тиша, как ты, справил ли мой наказ? Молю Господа, сынок! Ты наш единственный спаситель! Коль дошёл до крепости, должен выступить с казаками навстречь обозу», – так размышлял Матвей Афанасьевич, двигаясь с семьёй Антипа впереди обоза.

Тяжёлые мысли посещали всех общинников. О спасении думал каждый.

– Тятя, а что с Тимофеем Акинфиевичем? Погиб? – потихоньку обратился Антип к погружённому в свои мысли отцу.

– Погиб наш Тимофей сын Акинфиев! Спас он меня, сынок! Телом своим закрыл от смерти неминуемой! А мы даже схоронить наших погибших дружинников не смогли. Вот ведь как! Печалуйся – не печалуйся, а об живых думать надобно! Ты вот что, Антип, возьми кого себе в помощь да отстань немного от обоза. Солнышко день новый зачинает. Думаю, джунгары, повеселившись в нашем сельце, двинутся в погоню за нами. Разогрелись, поживились оставленными домами и имуществом, ещё и нами возжелают поживиться. Догляд нужен, сынок, чтоб враг врасплох нас не захватил. Понял?

– Да, тятя, исполню!

– За жену и сынишку не бойсь! Встать на их защиту ещё смогу! Иди, с Богом!

Перекрестив сына, он потянул вожжи и остановил жеребцов, запряжённых в телегу. Антип, соскользнув со своего места, выпряг одного из них, легко закинув ногу, вскочил на лошадь, поклонившись отцу, зашепшил в конец обоза.

* * *

Казаки торопились.

– Елисей! Лошади с пушками не успевают за конниками! – обратился один из пушкарей, запыхавшись от бега.

– Придётся перестроиться! Казаки! Стой! – громко скомандовал атаман.

– Пошто, Елисей? Поспешать надобно! – обратился к нему ехавший рядом всадник.

– Чтобы ускорить движение, перестроимся! Конники выдвинутся вперёд! Ертаулом² пойдём! Свернём на горную тропу! Лошадей пустить в галоп! Я – ведущий! За нами на скоростях идут телеги с пушками, а за ними походный обоз! Особо не растягиваться! Главным назначаю Ивана-пушкаря! Алтаец со мной! Юнцы с пушкарями и обозом! Все поспешаем!

Казачья конница, оторвавшись от походного обоза, свернула на горную тропу.

– Алтаец! Веди напрямки! Налегке-то мы быстро продвинемся! Ежели врага встретим, то и оружейным залпом да казачьей шашкой управимся! Сколь времени займёт наш поход?

² Ертаул – передовой отряд казаков.

– Горной тропой к вечерней зорьке подоспеем! – ответил Карчага, ехавший рядом с Елисеем.

– Елисей, пушкари оторвутся от нас изрядно! А ну как нападёт на них джунгарин? Мужики сдюжат ли? Отстоят пушки?

– Иначе мы опоздать можем. Джунгарин коварен! Неровен час, перебьёт православных! Мы встретим врага, а там и пушки подоспеют. Аль боишься? – Обернувшись, он пристально глянул на говорившего казака.

– Обижаешь, Елисеюшка! Я ль не ходил с тобой в боевые походы? Чего несёшь напраслину?

– То-то же! А я уж думал, был, был казак, да весь и вышел!

Слышавшие разговор казаки засмеялись, посыпались шутки-прибаутки о казачьей лихости. Это всем подняло настроение. Лошади, хорошо отдохнувшие и в меру покормленные, шли легко. Тропа поднималась всё выше и выше. Миновав холмистое предгорье, по сужающейся тропе отряд поднимался в горы. Движение замедлилось.

– Карчага, мы теряем время! Так-то мы раньше обоза не подоспеем?

– Нет, атаман! Карчага знает дорогу! Ещё немного поднимемся, а там спустимся в долину, а из неё рукой подать до сельца. Карчага думает, что дорогу впереди посмотреть надо. Разреши, атаман, Карчага разведает путь.

– Ты ж знаешь тропу? Зачем? Вражеский дозор нам не помеха. Что ты хочешь разведать?

– Я не о тропе беспокоен! Карчага горы будет слушать. Они скажут, если впереди бой идёт. Карчага опоздать боится!

– Ну, что же! Давай! Мы как двигаться должны?

– Атаман Елисей, видишь тропу? Идите по ней до самой долины. Я вас тама встречу.

– Хорошо, Карчага! На том и порешим!

Алтаец свернул на какую-то известную только ему тропу и скрылся из виду. Казаки продолжили движение.

* * *

Тихон с Иваном и отрядом вооружённых мужиков, с пушками, тоже оторвались от небольшого походного обоза. Дорога продолжала виться недалеко от реки, немного петляя, но вновь возвращалась к берегу Катуня. От зноя и близости воды в воздухе парило. Солнце щедро разливало свой жар. Лишь высокие и стройные сосны и ели, отбрасывая тень, давали желанную прохладу. Лошади шли быстро. Как только дорога поднималась в гору, пушкари спешили, тянули телеги с пушками вверх, разделяя тяжесть вместе с животными. Несколько мужиков толкали телеги с орудиями снизу. Лошади от напряжения и зноя храпели, когда дорога вновь выравнивалась, становилось легче. Вооружённый отряд, навёрстывая упущенное время, шёл ходко, без остановок и привалов.

Казачий ертаул спустился в небольшую долину. На тропе его уже поджидал Карчага.

– Елисей, впереди идёт бой! Хозяин ведёт людей нам навстречу! Видно, случилось неладное! Надо спасать селян! Сейчас тропа пойдёт вниз, она будет расширяться, надо успеть!

– Казаки! Впереди бой! За мной! Огонь открывать по команде!

Всадники миновали долину, спускаясь по тропе вниз, они уже слышали редкие выстрелы обороняющихся общинников, вой и свист полчища кочевников. Подоспел казачий ертаул вовремя. Крестьяне, заняв круговую оборону, окружив себя кольцом из перевёрнутых телег, вели неравный бой.

– К бою товсь! – громко дал команду Елисей! – Оружие к бою! Огонь!!!

Раздался оружейный залп. Враг не ожидал поддержки обороняющимся с тылу, с гор. Однако появление вооружённых казаков не внесло сумятицу в действия джунгар. Разделив-

шись на части, они ловко стали пускать меткие стрелы в казаков. Гористая местность мешала казачьему отряду развернуться во фронт.

– Огонь!!! – вновь поступила команда атамана.

Ещё залп! Передовые вражеские всадники упали на землю. Но вместо убитых вставали всё новые и новые. Поток стрел обрушился на казаков. Бой кипел! И неизвестно, смог бы одолеть джунгар небольшой ертаул, но вовремя подоспел отряд мужиков и пушки. Орудийный залп внёс в ряды джунгар панику. Подошедший отряд мужиков удвоил оружейный залп. Джунгары стали откатываться назад. К ночи бой завершился. Рассеянные остатки джунгарского воинства отступили.

С воплем, плачем и слезами бросились женщины к освободителям.

– Кто будет ваш староста? Жив ли? – обратился Елисей к селянам.

– Здесь я, здесь! – подал голос Матвей Афанасьевич.

– Ранен, тятя! – подошёл к сидевшему на лошади Елисею Антип.

– Тятя! – подбежал Тихон к Матвею, лежавшему на одной из телег.

– Сынок, Тишаня! Сполнил, значить, наказ! Сполнил! – непрошенные слёзы выступили на глазах Матвея Афанасьевича.

Где-то невдалеке раздалось ржание лошади. Матвей узнал своего Гнедка. Только он успел подумать о коне, как он тотчас оказался рядом с телегой.

– Гнедко! Гнедко! – глядя опустившую гриву лошадь, приговаривал Матвей. – Любезный ты мой! Спасибо тебе за сынка! – глаза Матвея Афанасьевича увлажнились от непрошенных слёз.

– Хозяин! Жив! – раздался радостный возглас Карчаги.

– Карчага! Спаситель ты наш! Спасибо за сына и помощь! Слава богу! Семья твоя жива! Здесь она.

– Будем разбивать лагерь для ночлега! – обратился атаман к войску и селянам. – Вот и наш обозец подоспел вовремя. Завтрева на зорьке выступим в крепость.

Долго ещё стоял гомон. Селяне благодарили войско казачье за спасение, оплакивали и хоронили погибших. Вновь могильные кресты обозначили путь русских переселенцев. Угомонились уже под утро.

* * *

К вечерней зорьке следующего дня измотанные общинники вместе со своими спасителями прибыли в Белоярскую крепость. Возвышаясь на белом, крутом яру правого берега разлившейся Оби, она желтела новыми крепостными стенами и возвышающимися сторожевыми башнями. Встречать прибывших вышли все служивые, ратники и прочий крепостной люд. Матвей Афанасьевич с напряжением всматривался в их лица. В них отражались скорбь, сострадание и сочувствие общинникам. Женщины выносили съестное, раздавая кушанья раненым, женщинам и детям. Мужчины, сжав кулаки, молчали. Послышались женские вопли, слёзы застилали лица оставшихся в живых селян.

– Ну, гады, держитесь! – раздавались возгласы среди стоявших возле въездных ворот мужиков.

– Уничтожим врага! Не потерпим алчного иноверца! – вторилось из других рядов.

Навстречу печальному обозу вышел Митрий Савельевич.

– Ничего, сердечные, скоро, уже скоро подойдёт время, посчитаемся с врагом за пролитую русскую кровушку! Укрепится матушка Русь, прирастёт землицей благодаря русским землепашцам! Быть по сему! – подходя к ехавшей впереди телеге Матвея Афанасьевича, обратился к обозникам староста крепости.

– А теперь милости просим к нашему очагу! Мужики, что же вы застыли? – словно с призывом вопрошал Дмитрий Савельевич к собравшимся. – Надобно разместить страдальцев. – Тихон, должно быть, это и есть твой тятя? – увидев на первой подводе уже знакомого ему юношу, вопрошал староста.

– Да, Митрий Савельевич, тятя и мой брат Антип с семьёй, – узнав старосту в подошедшем, ответил Тихон.

– Вы в моей избе можете размещаться. Хата большая, всем места хватит.

За Дмитрием Савельевичем и другие жители крепости стали разбирать обозников на размещение. Немного общинников осталось в живых. Всё больше бабы с детишками. Всего набралось с десятка два душ! А впереди зима...

* * *

– Располагайтесь, располагайтесь! Двор подходящий, лошадей можно поставить под крышу. У меня всего-то одна лошадёнка, крестьянствую один. Жёнка с детишками померли, покудова сюда из Россеи шли. Так и живу один. В горнице тоже просторно, все за столом вместимся. Хлебушек будет, как-нибудь перезимуем! – приглашая Матвея с семейством в дом, рассказывал Митрий Савельевич. – В опочивальне размещайтесь, Антип Матвеевич, со всем семейством, ну а мы, мужики, в горнице ночку ночевать будем. Думаю, что всем места хватит. На днях наш атаман Иван Масюта с отрядом возвращается и окончательно определится на жизнь в крепости, а там видно будет.

Говоря всё это, Митрий Савельевич ловко разворачивал постели для измученных и уставших людей, ставил для умывания кувшины с водой и выставлял на стол нехитрое угощение.

Наскоро умывшись и отведав пищи, Матвей Афанасьевич с домочадцами упали в приготовленные постели и заснули беспокойным сном.

* * *

Матвей и Дмитрий проснулись с восходом солнца. Чтобы не будить домочадцев, они вышли во двор.

– Как дальше думаешь жить, Матвей Афанасьевич? Скоро атаман будет в крепости. Каков твой сказ будет? – с волнением начал разговор Митрий Савельевич.

– Что ж тут гадать! Потерял я людей! Почитай одни бабы да дети малые остались от общины нашей. Будем просить атамана приютить нас на зиму. Уборшную подмогнём вам отработать, осенние заготовки завершить и запасы съестного сделать. Весной, как только тележный путь откроется, двинемся землю новую искать, чтобы осесть тама. Баб много вдовых! Что они без мужиков смогут? Буду просить атамана принять их на поселение в крепости. Как думаешь, Митрий Савельевич, не будет супротив атаман ваш?

– Нет, не будет! Я и сам так же к крепости пристал! Мы ведь с тобой, Матвей, одной веры! Не успел тебе сынок твой, Тихон, рассказать. Только мы свои храмы ставим, а вы всё молельные дома, да батюшек святых отвергаете. Но и я за «старую веру», потому сюда от никоновцев, как и вы, пришёл. Здеся будут и ваши беспоповцы. Может, они пополнят общину твою и с тобою в новы земли пойдут. Атаман наш, Иван Масюков, поддерживает таких землепашцев, что новые земли осваивают. Вам тоже не откажет в милости.

– Хорошие слова молвишь, Митрий Савельевич! Спасибо тебе! Сколь уж годов мы исходили по земельке сибирской, а всё не можем на ней закрепиться! Тяжёлая сторона... Меня ведь тятя и семейство с общинниками нашими на Севере ждут. Тятя наказывал, как осядете, так провожатых в родную сторону отправлять. Поди уже и ждать перестал... Подумал, что сгинули бесследно в Сибирском краю. Так-то, Митрий Савельевич.

– Нешто не понимаю? Ничего, пойдёте в степную часть Алтая, тамо уже нет лихоимцев. Наши укрепсооружения да поставленные крепости заслоном для них встали. Можно крестьянствовать. Не бывал я в тех краях, но слыхивал, что осело на землях тех много русских людей, деревни закладывают по берегам Оби и прочих рек. Зима в том краю будет суровее, но земли плодородные, только водицу лей и расти урожай. Степь лежит ровная, бескрайняя, гор нет, а реки текут плавно, да ещё озёр много всяких. Мы в ту сторону за солью ходим, озёра соляные среди пресных водятся.

– Спасибо тебе, Митрий Савельевич, за слово доброе и совет разумный. Со мной алтаец есть, он хорошо здешние места знает. С ним посоветуюсь. Горестно, что заветную землю Беловодья покинуть пришлось.

– Слыхал я про землю эту! Так вы что же, нашли всё-таки землю Белую?

– Да, Митрий, небывалой красоты место! И богатая земля та! У гор Алтайских начинается. Не смогли мы закрепиться там. Видно, слабы ещё. За крепостями селиться надобно. Вот весной и пойдём в степной край.

Разговор внезапно прервал подъехавший казак. Не спешивая лошадь, он возвестил, что в крепость прибыл атаман Масюта и велел старосту прибывшей общины пожаловать в головную избу.

– Може, и мне туда пожаловать велено? – обратился с вопросом к подъехавшему казаку Митрий Савельевич.

– Да, Митрич, тебе тоже велено прибыть! Сбирайтесь! Атаман ждёт!

– Скажи, заутреннюю отслужим и будем! – ответил Дмитрий Савельевич.

Выслушав ответ старосты, казак развернул коня и быстро ускакал, поднимая за собой столб пыли.

– Можешь, Матвей Афанасьевич, в моей избе службу для общинников отвести. Они сейчас нуждаются в твоём слове. Опосля покормлю вас, да и к атаману пойдём. Не бойсь, мы здесь все вместе держимся, иначе не выжить!

* * *

По пути до головной избы Матвей Афанасьевич внимательно приглядывался к крепостным строениям. Отметил он избы, срубленные из крепкого соснового леса, хозяйственные постройки, конюшни и склады.

– Славные строения! Доброе хозяйство у атамана! – отметил он в своих думках.

В головной избе Матвея и Дмитрия Савельевича ждали. За закрытой дверью были слышны громкие голоса о чём-то споривших людей. Казаков было немного. Среди казаков Матвей увидел уже знакомого атамана Елисея. В центре стола восседал чернявый казак лет тридцати с небольшим от роду. Глаз его был сметлив, серьёзен. Елисей сидел рядом. Как только приглашённые вошли в избу, казаки затихли.

– Должно быть, это и есть атаман Масюта! – отметил Матвей.

– Доброго здоровьечка! Атаман Иван Масюков! – отбив поклон, поприветствовал казаков крепостной староста Митрий Савельевич.

– И вам не хворать! – поприветствовал вошедших атаман Масюта.

– Пришли, как велено было! – продолжил диалог Дмитрий Савельевич.

– Как жить дальше думаешь? – перевёл взгляд Иван Масюков на Матвея. – Ты староста беспоповцев?

– Стало быть, я! – громко ответил Матвей Афанасьевич. – От джунгар нужду терпим! Защиты и пристанища просим до весны, а тама видно будет.

– Да, джунгар – воин знатный! Это тебе не калмыки какие-то! Джунгару трудно противостоять! Это ты, молодец, сумел устоять! Зиму переживёте здесь! С голоду не дадим помереть. Весной зерном и прочим скарбом поможем, пойдёте в Кулунду! Тамо спокойно!

– Баб с ребятами у меня много! Мужики полегли в бою. Возьмёшь их на поселение? Что они без мужиков сумеют?

– Всех, кто пожелает тягло государево в крепости несть, оставлю. Ваших тут достаточно, с собой можете желающих взять. Противиться укреплению общины не буду. На том и порешим, Матвей! Обживайтесь! Мужики твои и сыны крепости послужат, бабам тоже работа найдётся: огороды содержать, посевы, скотину... Дел всегда невпроворот. Казаки должны дозор охранять, а вся хозяйственная жизнь возложена на Митрия Савельевича. Он и порешит все вопросы, касаемые устройства вашего. Согласен ли со сказом? – в завершение разговора обратился Масюта к Матвею Афанасьевичу.

– Спасибо, тебе, атаман, за защиту!

– Добре! На том и порешим! А теперя можешь идти, дел у меня много!

На сих словах, откланявшись, Матвей и Митрий Савельевич вышли из избы.

* * *

После расселения общинников жизнь покатила по новому укладу. Тихон и Иван были включены в отряд сторожевых, охранявших въездные ворота, Карчага нёс службу в дозорном отряде, помогая казакам налаживать связи с местными алтайскими племенами. Знание горных троп, его смекалка и выносливость не единожды спасали казаков в военных походах. Остальные общинники крестьянствовали вместе со своими благодетелями. Матвей Афанасьевич вместе с семьёй Антипа тоже землепашествовал с Дмитрием Савельевичем.

Матвей, расположившись на место жительства у Дмитрия, при первой же возможности позвал в избу для разговора своего верного друга-алтайца.

– Карчага! Друг ты мой любезный! Надеюсь и в этот раз на твою помощь.

– Хозяин! Я всегда тебе готов служить и все тяжести делить вместе с тобой! Ты всегда можешь рассчитывать на своего Карчагу! Чем помочь тебе, Матвей Афанасьевич?

– Предложил мне нынче казачий атаман Иван Максюков весной идти в степной Алтай, в Кулунду. Тебе, верно, известна эта сторона? Что скажешь? Что посоветуешь, друг ты мой сердечный! После гибели Тимофея Акинфиевича один ты у меня остался, друг и советчик во всех делах наших нелёгких.

– Что ты, хозяин! Ты спас мою семью от джунгар! Тебе служить буду, пока день в моей жизни, пока солнце не закрыто ночным покровом! Карчага всегда с тобой!

– Карчага, почто «хозяином» меня зовёшь? Какой же я тебе «хозяин»?

– Так народ мой высказывает своё почитание человеку! Ты – мой хозяин! Я – твой верный подданный! Не обижай, я буду так всегда обращаться к тебе и твоим сыновьям!

– Что же, пусть будет по-твоему! Карчага, что же за земля эта – Кулунда?

– Отец мой там бывал. Сказывал, что когда-то в старые времена народ мой жил во власти зайсана Телембека. Богат и знатен он был. Много табунов лошадей, отары баранов гоняли табунщики и пастухи в чёл³. Называлась та земля Кулундой, что по-нашему значило «трава выше жеребца». Была у Телембека красавица-дочь. Песни слагали о её небесной красоте. Своенравна была красавица та. Пришло время выдавать дочь замуж. Много юношей из разных племён посылали своих сватов к Телембеку, но всем отказывала красавица-дочь. Загоревал зайсан. Красавица говорит:

³ Чёл – степь.

– Господином станет тот, кто сумеет привести мне Белого Жеребца! Сказывают, что конь тот не только красив, но и обладает волшебной силой непобедимости. Кто сможет оседлать его, тот сможет покорить народы и мир! Хочу стать принцессой Алтая и всего Востока! А муж мой будет Господином и Владыкой! Отец! Объяви об этом всем!

– О, дочь моя! – взмолился Телембек. – Кто же посмеет оседлать Белого Жеребца, который подобен Духу Света?

– Это моё условие! – закричала красавица.

В местах тех жил молодой пастух. Был он единственным сыном у старого отца. Однажды, перегоняя отару баранов с гор, он встретил красавицу и влюбился в неё! Да и она заметила юношу, сердце её облила томительная боль. И решил молодец отправиться на поиски Белого Жеребца. Отец умолял его остаться дома, но не послушался его сын.

Обошёл он горы Алтая, но не встретился ему Чудо-Конь! И вот, спустившись с гор, видит он бескрайнюю равнину, небывалый ковёр из цветов и трав расстелился перед ним. А вдали стоит волшебной красоты Белый Жеребец, травы высокие вокруг благоухают. Нет слов, чтобы описать величие Волшебного Коня. Стал юный пастух ловить его. Но не тут-то было! Не подпускает к себе Чудо-Конь. Уже день сменила ночь, яркая луна печально смотрела на поединок Волшебного Коня с человеком, и снова пришёл день! Солнце слепило и посылало жар! Только к ночи следующего дня изловчился и вскочил Молодец на Белого Жеребца! Издал юноша радостный, счастливый возглас! Теперь будет он владеть миром! Станет господином Красавицы! Но тут Белый Жеребец распустил крылья, взлетел над землёй и сбросил всадника! Упал на землю молодой пастух и разбился! Тело его, облитое кровью осталось в той степи!

Узнала о смерти юноши красавица-дочь! Загоревала она, залила своими горячими слезами горы, бросилась сама в эту реку горя, волны которой достигли Кулунды. Превратились слёзы красавицы в солёные озёра. А Белый Жеребец так и живёт в том краю, никто больше не смеет оседлать его. С тех пор многие стада самых лучших лошадей вырастают только там, в Кулунде, а Белый Жеребец стал покровителем скотоводов, помогает возвращать табуны алтайских жеребцов. Озёра те солёные стали обладать целебной силой. Обмоет человек в таком озере тело, и все болезни уходят из него.

Так рассказывал мне мой отец, который пас табуны нашего зайсана в Кулунде.

– Мудрён рассказ твой, Карчага, как и народ твой! – после недолгого молчания заговорил Матвей Афанасьевич. – Белый Жеребец, словно мечта, поймать её нельзя! А Кулунда, значит, плодородная земля! Может, не хуже Беловодья... Спасибо тебе за мудрость и сказ! Карчага, пойдёшь ли ты с нами в Кулунду?

Алтаец не отвечал.

– Хозяин, – после непродолжительной паузы заговорил Карчага, – твой друг пойдёт с тобой. Степной Алтай уходит туда, где садится солнце, конца ему нет. Но потом Карчага хочет вернуться в крепость и защищать свой народ от джунгар! Карчага будет стараться вселить доверие моего народа к русским! Хозяин, разреши Карчаге вернуться в Белоярскую крепость! Моя семья останется в крепости.

– Ну что ты, Карчага! Оставайся! Неси службу охранную! Мы управимся сами, ворога в степи нет, значит, и опасности тоже. Займёмся мирным крестьянским трудом землешца, лошадей и прочий скот разводить будем. Жаль, Карчага, расставаться с тобой! Да у каждого, видно, своя дорога в этой жизни.

– Спасибо тебе, Матвей Афанасьевич! Карчага всегда будет помнить твою доброту!

– Пусть будет так, дорогой ты мой Карчага!

Матвей Афанасьевич, встав из-за стола, обнял алтайца. Они простились. Горестно было отпускать от себя верного друга, но ничего тут уж не поделать!

«Будем сами готовиться к новому походу в новую землю», – подумал Матвей Афанасьевич.

* * *

Зима подкатилась незаметно. В одну ночь легли снега. Чёрная и мокрая земля оделась снежным покрывалом. Замела студёная белая позёмка, завывли, загудели в трубах крестьянских изб зимние метели. Вьюга, будто «нечистая сила», закружила порошу, засыпая снежными сугробами овражки, лесные тропы и проезжие дороги. Солнце уступило небосвод серым снеговым тучам. Сумеречно, кажется, что дня вовсе нет, а сразу наступает вечер. Световой день кусками урезается тёмными ночами, которые ощутимо становятся всё длиннее и длиннее. И только сосновый бор, окружавший со всех сторон Белоярскую крепость, будто родившись заново, сверкал яркой зеленью пушистых хвойных лап. Крепкий морозец пощипывал нос и щёки, белый снежок хрустывал под ногами, наполняя радостью землепашца. Вот и пришёл зимний отдых от крестьянских полевых забот!

Через неделю встала Обь, и открылся зимник. По открывшемуся пути в крепость из ближайших сёл потянулись сани с припасённым домашним провиантом. Крестьяне небольших сёл и деревень везли служилым прокорм за их ратное дело. Обозы с заготовленным мясом птицы и прочей домашней живностью, мукой нового помола, припасами огородных плодов и солониной, закатанной в деревянных кадках, сгружались в утеплённые зимние склады и засыпались в погреба.

Матвей Афанасьевич с сыном Антипом и со своим благодетелем Дмитрием Савельевичем завершили уборочные работы в поле и на огороде. Ни один колосок не лежал на земле неубранным, ни один корнеплод не остался не засыпанным в погреб. Все понимали, что зимовка будет нелёгкой. Старались Зыковы, но весенних посевов Митрича было мало. Однако староста крепостного хозяйства из зерновых запасов обеспечил хлебом всех беспоповцев. Благодаря его распорядительности в крепости был выстроен сарай для хранения общинниками посевного зерна. Матвей не переставал удивляться деловитости и прозорливости белоярского старосты. Обратившись к местным крестьянам за помощью, Дмитрию Савельевичу удалось увеличить численность домашнего скота общинников, большей частью погибшего в походе. Давалось это нелегко. В каждом крестьянском подворье ничего лишнего не было. Тут и сказалась душа русского человека, который трудом и терпением осваивал новые земли. Дух его в единении окреп и сила тоже. Единоверцы-беспоповцы, которых оказалось немало в окрестности крепости, обратились к Матвею Афанасьевичу с просьбой о включении их в единую общину.

Это радостное событие укрепило намерение Матвея об освоении Кулунды. Он решился объявить об этом общинникам. Атаман Максюта, который редкий день находился в крепости, неся охранную службу, не противился такому решению.

– Матвей Афанасьевич, сказывал уже тебе, что не буду супротив такого намерения. Государь наш на то и послал нас, чтобы укреплять русские рубежи, заселять новые земли, – ответил он при встрече Матвею, обсуждая предстоящий поход, – хорошо, что раскольники твои сильны верой, которая укрепила ряды общины. Это ничего, что вы не приняли новых церковных порядков! Бог-то он един! А посему и мы едины! Помогу тебе в нелёгком деле, чем смогу. Оружия подброшу с оружейным припасом, лошадей дам, обоз весною снарядить подмогну. С Богом тебя, Матвей Афанасьевич! Зачиная подготовку к походу.

Через пару дней после вечерней службы был назначен большой сход пополненной беспоповской общины.

– Дорогие мои сородичи! – обратился к собравшимся Матвей. – Хочу, чтобы знали вы о предстоящем нашем весеннем походе в новую землю, в Кулунду. Не так давно на пути в Беловодье обозы наши проложили дорогу по бескрайней степи, покрытой весной ковром луговых трав и цветов. Братья и сестры, думаю, что осесть нам судьба в той земле. Великая Обь пере-

секает ту землю, что будет нам подмогой. Реки Алтая питаются талыми снеговыми водами, летними дождями и наполнены рыбой. Кулундинские озёра славятся лечебными и соляными свойствами. Воздвигнутые крепости не пустят врага, и сможем мы свободно землепашествовать. Говорят, много люду туда идёт и селится тамо. Пойдём и мы. Помните, что в родной стороне наши сородичи ждут от нас весточки. Прошло несколько лет, а мы так и не смогли отправить гонца в северную сторонушку. Дай бог, наконец-то сможем мы закрепиться на земле. Общинники, принуждать никого не буду. Сестры, потерявшие в Алтайской земле кормильцев, мужей, сыновей, могут остаться в Белоярской крепости. Атаман Иван Максюков готов принять их на поселение. Жёнки, нашедшие здесь свою судьбу, народившие чад, или хворобные тоже остаются. Не мне вам рассказывать, насколько труден путь, сколько сил потребует новая земля, чтобы родить хлебушек. Крепость поможет нам семенами, инвентарём, боевым оружием, снарядить обозы. Общинники, вновь пришло время идти в неизвестный край, сохраняя истинную веру нашу. Ещё мой дед, отче Тихон, а затем и отец, отче Афанасий, пошли в неведомую сторону Севера Русского, на берег Бела моря, создав городища и поселения сторонников святого Старца Аввакума. И перед нами стоит та же задача – освоить новые земли для детей и внуков наших, сохранить веру, святыни и дух русского православного человека. Не убоимся, братия и сестры, зложим в той стороне новые сёла, построим новые дома, разведём огонь в очаге. Родичи наши обретут новую родину на сибирской земле.

Говорил Матвей Афанасьевич в полной тишине. Знал, что сородичи, бывшие с ним в военном походе, сохранят преданность и пойдут с ним в иную сторону. Волновался Матвей по поводу вновь вступивших в общину староверов. Однако напрасно он тревожился. Собравшиеся дали согласие на поход в новые земли.

Принятое общиной решение ускорило подготовку к весеннему походу.

Глава четвёртая. Катерина

Тихон с Иваном, определённые атаманом Елисеем в охранную службу, получили положенное вооружение: огнестрельное оружие с запасом боезарядов, казачью шапку и кинжал. Дмитрий Савельевич помог справиться тёплый, лёгкий полушубок и рукавицы из выделанной овчины, волчью шапку, сваленные пимы. Для вновь принятых служивых проводились учения по сабельному и рукопашному бою, оружейной стрельбе и строевой подготовке. Юноши с большой радостью принялись за новое для них дело. Короткий зимний день не оставлял свободного времени, которое полностью уходило на несение службы и учение.

На охранение четырёх сторожевых башен и входных ворот с рассветом заступало по два человека на каждый пост. С утренними лучами следующего дня приходила смена караула. Очередное дежурство выпадало через два дня. Чаще всего к крепостным воротам подъезжали на санях крестьяне с зимним провиантом для крепости, верховые из деревень к атаманам с просьбами, вестовые по несению службы из иных крепостей и укрепсооружений. Они доставляли редкую почту из Москвы. Получение таковой вести было целым событием для служивых Белоярской крепости. Известие это оглашалось для всех жителей крепости и старост сельских поселений, собиравшихся возле головной избы. Чаще всего к люду обращался сам атаман Иван Максюков, в период отсутствия его замещал атаман Елисей, который редко отлучался из крепости, и только срочные неотложные дела за её пределами были тому причиной. Частыми «гостями» были и инородцы: джунгары, телеуты, кыргызы, казахи и алтайцы. Покрутившись у ворот на лошадях небольшими группами, они исчезали так же внезапно, как и появлялись. Алтайцев было велено пропускать в крепость, если они того пожелают. Разговор с ними вели Карчага и ещё несколько алтайцев, приписанных к охранной службе. Переговорщики находили понимание с пожаловавшими соплеменниками и договаривались об их встрече с атаманами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.